

Александр Вовк

**ТЕПЛО
ЛЮТЫХ
ХОЛОДОВ**

12+

Александр Иванович Вовк

Тепло лютых холодов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48806204

SelfPub; 2019

Аннотация

В увлекательном зимнем романе перед Читателем предстанет подлинный советский мир, каким он воспринимался Алексеем Зотовым, типичным офицером-ракетчиком. Удивительные служебные приключения, встречи, радости и неприятности, дружба, служба, убеждения, стремление глубже понять прошлое страны и ее будущее, сомнения, разочарования, поиски истины, ошибки, борьба за себя, за свою семью, за справедливость... В общем, настоящая жизнь настоящего мужчины!

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	55
Глава 8	63
Глава 9	71
Глава 10	74
Глава 11	79
Глава 12	95
Конец ознакомительного фрагмента.	103

О фоне событий

Многие считают будто климат, значительно определяющий привычную жизнь людей, есть нечто устойчивое и повторяющееся из года в год, словно зима и лето. Но природа – барышня взбалмошная! Она способна долго прикидываться милой и обходительной, а потом такое учудит, что ее проделки ни в какие рамки не впишешь!

Вот и конец 1978 года в Прибалтике запомнился невероятными причудами климата. На людей, расслабившихся теплой осенью, обрушились неправдоподобные морозы – до тридцати. Но несколько раз они и этот рубеж преодолевали!

Надо признать, всем ещё повезло, когда до холодов навалило много снега. Под ногами сразу захрустело и заскрипело! Сказочно разукрасились деревья и кусты. Забылась осенняя серость дорог и тротуаров. Заснеженные подоконники и карнизы белыми чёрточками пронзили мрачные стены старинного Инстербурга (так Черняховск назывался при немцах). Чудно заиграли красной черепицей крыши, местами заснеженные и густо утыканные торчащими печными трубами.

Но городу стало ни до этой красоты, ни до зимней экзотики. Он никогда не готовился к сильным холодам, поскольку никогда с ними всерьёз не встречался! Потому-то теперь жутко замерзал. Зато у всех радикально изменилось отношение к печному отоплению. Раньше его только ругали, как досадный пережиток прошлого. За грязные и тяжелые хло-

поты в отопительный период! За сажу на снегу и в лёгких! Теперь же наличие печи расценивалось как великая удача! Как важнейший фактор выживания домочадцев!

А вот надежды на цивилизацию город подвели... Из-за открывшейся немоци центрального отопления скоро закрылись детские сады, размещенные на первых этажах новых домов. Это вызвало лавину невыходов женщин на работу. Следом сдались и школы. Да и на рабочих местах люди думали больше не о служебных обязанностях, а о домашних делах.

Трескучие морозы вытянули откуда-то для каждого цепочку непростых проблем.

Сразу испустил дух общественный транспорт – самый недобросовестный элемент общественной жизни любого маленького города. Переохлажденные аккумуляторы продемонстрировали свою немоци в первую очередь. Солярка в баках непривычно зашуршала странными желтыми кристалликами. Даже стационарные заправки постигла та же участь, ведь заранее заменять дизельное топливо арктическим, представляющим собой для этих мест подлинную экзотику, было не принято. Бензин ещё держался, но у двигателей, его потреблявших, и прочих проблем оказалось навалом. Случайные капли воды в топливных трубках становились приговором любым двигателям. Но были случаи и интереснее. Там на ночь забыли слить воду из блока и радиатора... Там за час разморозили движок, заглушенный «на пять минут» у дома... Руки опускались от безысходности!

Даже бытовой газ в зарытых в землю емкостях, раньше бесперебойно питавших жилые кварталы, вдруг странно загустел, а потом и совсем застыл. От этого газовые плиты в домах не зажигались. И многим несознательным горожанам, которые отапливали им свои жилища, полагая, будто отравление предпочтительнее замерзания, стало плохо до невозможности.

Так или иначе, но с разных сторон к напуганным людям упорно подбирались всё новые и новые беды.

Из магазинов мигом исчезли никому ненужные ранее обогреватели, электрические плитки и прочие грелки. Даже лампочки большой мощности, редко кого-то интересовавшие прежде, скоро разошлись. Говорят, умельцы и их превращали в отопительные приборы.

Скоро пиковые нагрузки доконали и местные электрические сети. Они всё чаще сдавались, оставляя людей не только без тепла и света, но и без надежды на нормальное будущее.

Участились пожары от возгорания электропроводки. Самоуверенные самоучки с их архиерейскими приспособлениями хорошо знали, чем занять пожарные команды, чтобы те не спали сутки напролёт...

За ночь то тут, то там в трубах водоснабжения и канализации возникали пугающие всех сюрпризы, с которыми сражались лишь посредством весьма опасных паяльных ламп.

Всё чаще горожане говорили об обморожениях. Ужасами обрушились на испуганных людей подробности первых ам-

пуганий в городской больнице.

Затих молочный комбинат – из колхозов перестали доставлять молоко, а сухим в то время ещё пренебрегали. В нещадно продуваемых коровниках отчаянно болели замерзающие животные. И совсем уж странно для начала зимы вдруг закончились корма. Скот в массовом порядке перевели на еловые ветки. И ими отчетливо запахло молоко у тех счастливиц, которым удавалось его где-то купить. Впрочем, и веток всем не хватало... Руководители хозяйств по радио периодически взывали к помощи, призывая население брать на прокорм и согревание коров и телят.

В конце концов, залихорадило даже хлебокомбинат – печи работать без газа давно разучились. Осложнился развоз продуктов по магазинам, если каким-то чудом они оказывались в наличии на базе. Разумеется, бесследно испарились свечи, спички, как всегда, соль, сахар, крупы и макароны. Население забыло о сливочном масле.

Дефицитом оказались даже «сотки» – популярные бытовые лампочки. Правда, по центральному телевидению страну успокоили. Оказалось, причина того не в морозах. Просто оба завода, ранее производивших злосчастные лампочки, одновременно встали на капитальный ремонт. И действительно, не стоит волноваться! Разве важно, что не стало лампочек, если известна причина? Однако имена скромных героев, допустивших очередной ляп, так и остались неизвестными.

Людей всё чаще охватывал быстро распространяющийся по городу страх – нет воды, нет тепла, нет света! Значит, нет и жизни!

Природная стихия, неизвестно кому игравшая на руку, стократ усиленная недомыслием, немощью и нерадивостью всех уровней власти, сурово проверяла население на выживаемость! Но оно, не зная иного выхода, всё как-то держалось и держалось, надеясь на потепление!

Глава 1

В тяжелейшие морозные дни Алексей Зотов, как и прочие жители Черняховска, преодолевал многочисленные трудности, навалившиеся на него и на службе, и дома. Уж что-что, а россыпи проблем любого калибра он преодолевать привык. Временами самому казалось, будто он и рождён лишь для непрекращающейся борьбы с ними.

Но не стоит думать на этом основании, будто Алексей – это настоящий былинный богатырь, выискивающий несправедливости и совершающий несчётные подвиги. Человек он, скорее, непримечательный. Возрастом – менее тридцати. Чуть выше среднего. И могучим его никак не назовёшь! Типичное лицо, обычная причёска... Ни усов, ни бакенбардов. Одни глаза сразу и запоминаются – цепкие серо-зелёные, уверенные, спокойные.

Если бы не они, не впивающийся в собеседника взгляд, своим обликом Алексей идеально походил бы на разведчика – без особенностей, без дефектов, без броской мужской красоты. Между тем, даже по такому лицу легко читается обстоятельность и надёжность. Потому он именно из того типа людей, которых безошибочно выбирают на нечто сложное и опасное, но о ком забывают, когда приходит пора почестей и наград. А сам он претендовать на награды ни за что не станет, даже вполне заслуживая их. Но не станет мешать

и тщеславию товарищей, отдавая должное не только своим достоинствам, но и их слабостям.

И всё же есть у Алексея особенность, которую ему бывает трудно скрыть при знакомстве. Он – армейский офицер! И этот факт сразу выдаёт его шинель с черными петлицами и погонами капитана. Та самая шинель, многократно воспе-тая, в которой летом жарко, а зимой отчаянно холодно! Ко-торая предельно сковывает движения в плечах и негнущи-мися погонами капает на мельницу всевозможных шейных остеохондрозов.

Но займемся историей Алексея в каком-нибудь разумном порядке, поскольку она, как представляется автору, весьма рельефно высвечивает не только поступки типичного совет-ского офицера, но и его настрой, стремления, размышления и даже некоторые сомнения... Показывает подлинную ар-мейскую обстановку давно прошедших лет, жизнь сослужив-цев, семьи, случайные военные приключения.

Начнём с самого важного! В конце сентября уже известно-го Читателю года Людмила, жена Алексея, родила ему второ-го сына. По обоюдному согласию младенца назвали Ванюш-кой. В честь деда, заготовив для его гордости приятный сюр-приз.

Очень тяжелые и затяжные роды продолжались двое су-ток. Всё было настолько страшно, что Алексей боялся вспо-

минать те дни еще много лет потом, даже если Людмила сама затевала об этом разговор, копошась в их непродолжительной семейной истории. Потому она и не догадывалась, насколько изматывающими стали те дни не только для неё, находившейся у опасной грани, но и для ее мужа.

При первой же возможности он мчался в роддом и проводил там много часов в изматывающей тревоге, пока не прогоняли. Тем более Людмила не знала, как в критический для нее момент супруг помогал переносить ее, бредившую, на носилках куда-то на второй этаж. Лифта в здании, разумеется, не было, как никогда не было в нем и мужчин-санитаров, способных при необходимости выполнять подобную работу.

Впрочем, кто теперь знает, как было когда-то? Ведь при немцах здесь тоже размещался роддом. Известно лишь, что он делился на две равные половинки. В одной целый месяц происходило то, что и положено, зато в другой половинке шла всякая дезинфекция, облучение, стерилизация и прочие мероприятия, позволявшие защитить и выходить даже самых слабых детишек. Через месяц эти половинки менялись местами. Но так было при немцах...

В советское время поступили более рационально! Оно и понятно! Насколько неразумно в одном роддоме содержать фактически два, из которых один всегда пустует! Зато с подачи прессы наша страна тогда гордилась невиданными достижениями в области перинатальной медицины. И люди этому верили! Как же иначе, если никто не оспаривал?

Но вернёмся к Алексею. Убежденный в естественности родов, он лишь ждал, ждал и ждал, когда же в их семье свершится долгожданное чудо природы. И пребывал в каком-то пристукнутом состоянии, смутно подозревая, что роды Людмилы проходят как-то неправильно. Это сильно тревожило, но Алексей по-прежнему лишь ждал, метался, пугался своих назойливых и самых страшных мыслей, дурных предчувствий, каждого появления в вестибюле безразличного к нему персонала, и опять ждал, ждал...

Он верил в природу! Верил в готовность жены рожать – ведь это уже второй раз! Верил в медиков. А им, как выяснилось позже, всё происходившее было не только привычно, но и безразлично. Потому до поры они ничего не предпринимали, чтобы не связывать подходящую к концу смену с очень трудной роженицей – пусть она достанется коллегам! И они действительно ничего не делали до тех самых пор, пока на своё дежурство не заступил сравнительно молодой, но энергичный врач Лурье. Он-то и спас положение. Едва появившись, так всех закрутил, что персонал по этажам и коридорам стал не бегать, а летать:

– Вы что? Совсем от безделья обалдели! Почему она до сих пор не родила? – гремел повсюду его злой голос. – Вы собрались здесь, чтобы потерять роженицу и ребёнка? Ведь давно воды отошли! Точно обалдели! Всех под суд отдам, если что... Немедленно на стол! Готовьте кесарево... Черт

вас всех на мою голову! Где кислород? Вы сантехники, а не медики! Это чьи анализы вы мне подсовываете? Это же Петровой анализы! Всё перепутали! Никакой совести! Почему до сих пор...

На одиннадцатый день счастливый Алексей, так и не понявший сути происходившего, забрал домой и жену, и сына Ванюшку, потянувшего при рождении на четыре шестьсот. И началась в семье другая жизнь. Сменились приоритеты. Изменился распорядок дня.

Постепенно существование семьи входило в иную колею, рассчитанную и на маленького человечка, занимавшего всё внимание семьи.

А через месяц небольшой городок потрясла новость – Лурье арестовали.

Оказалось, что из соседнего города Гусев ночью к Лурье примчались обезумевшие от горя родители некой школьницы. Они умоляли спасти погибающую дочь доктора, ставшего широко известным благодаря реальным успехам в самых трудных гинекологических операциях и незабвенному женскому телеграфу. Дочь, школьница восьмого класса, тайно от родителей решила на аборт у какой-то бабки. И лишь когда возникло обширное кровотечение, и делать что-то оказалось поздно, о беде узнали и подключились родители девочки. Лурье они как-то уговорили, но спасти девочку и он не смог. Было слишком поздно.

Когда в Черняховске над Лурье проходил суд, женщины, многим из которых он спас когда-то и погибавших детей, и их собственную жизнь, весьма активно требовали освобождения врача от ответственности, часами дружно выстаивая перед зданием суда. Но когда же наши власти прислушивались к мнению населения? Лурье получил огромный срок, будто он сам и стал инициатором подпольной криминальной операции.

Вина на нем, конечно же, была! Это – бесспорно! Если бы в интересах умолявших его родителей он не продолжил скрывать от всех уже произошедшее... Если бы успел привезти девочку в свою операционную и сделать всё официально... Если бы не взял какие-то деньги от родителей, то приговор был бы другим. Но всё сложилось наихудшим образом...

Глава 2

Пришли первые дни декабря. Главной проблемой для всех остались жуткие морозы. Не имея иных возможностей, люди стали как-то не только приспосабливаться, но даже привыкать.

Печное отопление в старой немецкой квартире Алексея, ранее сильно осложнявшее жизнь, осложняло ее и теперь, и всё-таки спасало, поскольку позволяло поддерживать температуру, приемлемую для младенца. Может, и не стоит вспоминать неприятное прошлое, но для красивой и весьма прожорливой кафельной печи уголь, заготовленный с осени, Алексею приходилось таскать в вёдрах из подполья на третий этаж. И без того обеденное время не велико, а тут еще попутная тренировка всякий раз. Да было бы, что таскать, а то ведь запасы, не рассчитанные на сильные морозы, стремительно истощались. И «помог» кто-то, как у нас говорят! Будь ему неладно!

Вода из крана, как правило, струйкой в спичку еще текла, грозя всякий раз замёрзнуть в пути, а вот газ загустел настолько, что не прокачивался по трубам и не доходил до квартиры. Купить в запас электроплиту Алексей в своё время не догадался, потому придумал подогревать бутылочки с питанием для Ванюшки на утюге. В условиях стихийной блокады это стало выходом, поскольку кроха-сын сразу от-

казался от груди.

Смеси для детского питания в свободной продаже следовало ещё поискать. В общем-то, они были, но столь сладкие, что непременно вызывали диатез! Правда, в любом городе существовала так называемая молочная кухня, где младенцам-отказникам готовили специальное питание в маленьких мерных бутылочках, но в ту кухню с ребёночком запросто не набегашься – далеко! А тут еще морозы обложили... Не простудить бы!

Друзья из областного Калининграда откликнулись и прислали какие-то коробки с импортным детским питанием. На первых порах это стало спасением.

И надо же, именно в те сложные дни командир дивизиона, в котором служил Алексей, надумал завершить дело, которое еще до его назначения отложили в долгий ящик да там, видимо, и забыли. А дело было действительно важным: как-никак, а потерялась целая штатная радиостанция Р-125. Потерялась вместе с Газоном, в котором она смонтирована!

Никто не мог припомнить, где, когда и по какому поводу она исчезла. Может, сломалась на учениях, вот и оставили где-то до лучших времён. Конечно же, рассчитывали при первой возможности за ней вернуться, да закрутились в обычной армейской суете. Или отдали на какую-то военную базу для проведения среднего или капитального ремонта радиоаппаратуры. А может, подкачал родной Газ-69, и его не

смогли до части дотянуть.

Всякие были догадки и предположения, но машины-то до сих пор нет – и всё тут! Её прежний экипаж давно уж на гражданке; новый в списках дивизиона лишь числится; командир взвода заменился в Кандалакшу; командир батареи затерялся в иных далёких краях. Да и прежний командир дивизиона, как ушёл на повышение, так на козе к нему не подъехать! Говорит, будто то дело давно мхом поросло, и он теперь уж ничего-ничего не припомнит. «Но, – всегда уверенно добавляет бывший, – не может быть, чтобы при мне что-то утеряли! Тем более, целую радиостанцию!»

Вот и замкнулся чёртов круг.

Новый командир давно собирался начать поиски машины, да всякий раз, если не учения мешали, так проверка. Либо инспекция. То время отпусков подходило, то период демобилизации старослужащих. Теперь вот – морозы трещат некстати! Но начинать когда-то же надо... Знать бы где, когда и по какому поводу ее потеряли?

– Кого пошлём, Юрий Семенович? Как считаешь? – решил узнать мнение своего начальника штаба командир дивизиона.

– Задача сложная! Она на всю глубину не ясна. Потребуется настойчивость, ответственность, инициатива... Кроме того, по разным воинским частям придётся поездить, с разными людьми дело поиметь, которым точно не до нас... Дипломатом быть придётся, однако! Если подходить с такой

стороны, то лучше капитана Зотова нам не подобрать. К тому же, он по части спиртного не мастер!

– Ну, это, положим, не во всякой ситуации нам пойдёт на пользу! – усмехнулся КД. – Иной раз лишь через спирт дела и решаются! Сам знаешь! С трезвенником не договоришься! Либо принципиальный, либо мздоимец! Надо Зотову фляжку с собой дать, на всякий случай! Тем более доверяешь ты ему, как я вижу!

– Не скрою: у нашего кандидата есть одно нежелательное обстоятельство – жена недавно родила! – добавил неуверенности начальник штаба.

– Вот об этом мне не надо! Не надо, Юрий Семенович, путать службу с семейной жизнью! В противном случае, мы с тобой ни одно дело не сделаем! И это опять загубим. А я твёрдо решил – машину надо отыскать! С каждым новым днём сделать это будет лишь труднее! Да и сам Зотов к семье будет торопиться, что нам на руку! Так что же, Юрий Семенович, на нём и остановимся? Или как? – уточнил КД.

– Согласен, Геннадий Васильевич! Готовить документы? – взял в голову и эту задачу начальник штаба.

– Делай, Юрий Семенович! Только давай с тобой помозгуем, на какой срок командировать... Если с понедельника, то двух недель, пожалуй, достаточно. Выходные у него впустую выпадут... Успеет ли? Как сам думаешь? Уж больно маршрут длинный. Сможет и тысячу км накрутить! Только нашёл бы её, проклятую... Ты его через часок ко мне при-

шли: ориентирую!

– Понял! Сейчас же займусь!

Через час Алексей оказался в кабинете командира:

– Разрешите? Товарищ подполковник, капитан Зотов по-вашему...

– Ну, ладно, ладно тебе! Садись поближе, Алексей Петрович! Я решил тебя командировать на поиски давно потерянной машины. Задача тебе предстоит сложная, но интересная! Может, слышал про потерянную радиостанцию из батареи управления?

Алексей утвердительно кивнул головой.

– Вот и хорошо! Значит, наш разговор не затянется! Выезд – рано утром в понедельник. На подготовку остаётся завтрашний день, то есть, пятница. В субботу доберёшь, если что-то не успеешь. Срок – максимум две недели. Будет замечательно, если справишься раньше. Где искать, я и сам не знаю! Список воинских частей по маршруту согласуй с начальником штаба. Маршрут наметь до выезда. Думаю, движение начнёшь в сторону Каунаса, а от Вильнюса пойдёшь на Ригу. Обратно, конечно, через Советск. Отовсюду, по возможности, мне или начальнику штаба сообщай о своих успехах. На бензин тебе дадут открытый лист. С ним заправишься в любой части. С довольствия тебя и водителя снимут, продовольственные аттестаты возьмёшь с собой. Оружие тебе не понадобится – радиостанция, слава богу, старенькая,

несекретная. Машину тебе даем Уазик шестьдесят девятый. Его уже готовят. Вроде бы, надёжный. Уточни у зама по вооружению, что дополнительно взять из запчастей. Воду, масло... Ну, что теперь не ясно?

– Как быть, если машину я найду разукомплектованной? Если она не на ходу? Если разбита, раскурочена? И доверенности мне понадобятся... С печатью и подписями. А еще нужен документ от вашего имени, как командира части, ходатайство или что-то подобное... В общем, просьба! Чтобы все командиры частей в поиске оказывали мне содействие...

– Это сделаем. А если в чём-то крепко засомневаешься, согласуй со мной по телефону. Лучше будет, если ты сюда эту развалюху всё-таки прикатишь. В любом виде! Иначе опять дело затрётся!

– Ясно! Я, товарищ подполковник не знаю, кто со мной поедет водителем, но для такого дела лучше брать латыша или литовца. Он и язык знает, и со своими легче сговорится, в случае чего! Только мне бы с ним до отъезда поговорить... И от вашего имени моему комбату и старшине... Чтобы водителя моего не зажимали – то ему нельзя, это не бери! Сами знаете как старшины за каждую тряпку... Морозы ведь трещат, а Уазик с его тентом насквозь дырявый – в нём только летом тепло бывает!

– Это верно... Подберем и водителя тебе, и одеяла для утепления выдадут! И фляжку со спиртом дадим! На всякий случай – для подмазки! Знаю, ты у нас в бутылку не загля-

дываешь, но всё равно предупреждаю, смотри там, не задумри! Знаю я и командировочных, и всяких прочих удалцов, как только с глаз долой!

– Насчёт этого не сомневайтесь! Мне не до того будет! – пообещал Алексей.

– Что мы ещё забыли? Ну, ладно! Надумаешь – заходи прямо ко мне! – хотел закончить разговор командир дивизиона, но Алексей опередил:

– А ещё! Еще надо тридцать сухих пайков.

Командир удивленно рассмеялся:

– Зачем столько? Торговать надумал, что ли? Они и в Узик не поместятся!

– Товарищ подполковник! Некогда нам будет в разных частях на довольствие вставать! Мы же к ним на час-другой, и укатили восвояси! А если где-то на принцип пойдут – не покормят без оформления аттестата? Не по кафе же нам ходить... Да ещё платить за двоих! У меня таких денег нет! Нас с водителем двое; две недели, вот и выходит тридцать пайков!

– Ну, не знаю! Тут другая арифметика работает! Думаю, тебе и пяти хватит, а пообедать в любой части вы сможете. Если, конечно, зевать не станете, да в бутылку не полезете! Нас ведь, ракетчиков, все считают незаслуженно обласканными, изнеженными! Потому недолюбливают! Часто в делах мешают, а не помогают! Хотя сам не пойму, откуда это повелось? Вместе погибать-то будем, если придётся! Впрочем,

давай, Алексей, готовься! В семье-то как?

– Холодно теперь всем, но меня всегда ждут... Потому мне теплее!

– Философ ты наш! Двигай-ка! И доброго тебе пути!

Глава 3

– Лёшенька! А как же я тут? Как же мы без тебя? – ужаснулась Людмила, когда узнала о сборах в командировку. И ее покрасневшее лицо показалось Алексею раненным на фоне светлых локонов супруги.

Алексей ещё долго молчал, дожидаясь, пока жена выговорится, несколько успокоится и смирится с неизбежным. Потом принялся тихо уговаривать, поглаживая ее руку:

– Не волнуйся, Людок! Я ящик фанерный достал; в коридоре поставлю. В него тебе угля из подвала наношу. Думаю, тебе хватит. Всяких макарон, крупы, масла и сахара постараюсь запасти...

– Так смели всё из магазинов! Где достанешь? – наконец переключилась жена на действительность, освободившись от первоначального переживания.

– Я постараюсь! Да и морозы не вечны же! Скоро погода наладится, как и положено в наших местах. Опять будет – ни туда, ни сюда! То дождь, то снег! А я постараюсь поскорее управиться... Васютку к делам привлекать пора – большой уже, он поможет. Чтобы тебе на морозище не выходить, да детей с собой не таскать, я договорился с Коньковыми; они будут хлеб и молоко приносить! По вечерам. Продержишься! Ты ведь молодец! Только ванночку не поднимай, когда Ваньку купаешь! Не дай бог, швы разойдутся... Понемногу

наливай и понемногу сливай! – Алексей обнял и поцеловал жену, долго ее не отпуская.

Так они и сидели бы молча, согревая друг друга, пока Василёк играл машинками на диванчике – лишь бы не на холодном полу – а Ванька равномерно посапывал в своей решётчатой кровати. Но младший сын не ко времени проснулся и сразу потребовал свою бутылочку с соской.

И тогда всё стремительно завертелось вокруг него, поскольку усидеть под Ванькин требовательный рёв было невозможно. Он замолкал, лишь получив своё. А высосав жидкую манную кашку, по сформировавшейся привычке отбрасывал пустую бутылочку далеко в сторону, пугая родителей всякий раз тем, что когда-то она разлетится на мелкие кусочки.

– Ну что, Василёк? Пойдем с тобой на лыжах?

– Конечно, пойдем! – обрадовался старший сын, засидевшийся дома без гуляния. – А мороз уже улетел?

– Нет! Летать только учиться! Но ты готовься! Скоро обязательно пойдём! Как раньше пойдём – все вместе!

– А Ванюшка тоже на лыжах?

– К тому времени, тоже на них! – засмеялся Алексей.

Глава 4

Из ворот родной бригады выехали по плану, сразу окунувшись в неопределённость своего необычного задания. Минус двадцать три. Пока терпимо.

Машина бежит нормально, но сквозит в ней так, словно сидишь на крыле самолёта. Оглушающе рычит и скребется вентилятор печки, включенный на полную мощь. Но воздух он гонит практически холодный, потому стужа в машине собачья. Иначе и не скажешь! И кажется, чем дольше, тем холоднее! Стало быть, нет надежд на эту печку – лишь на общее потепление.

Скоро стёкла от дыхания покрылись мохнатым инеем – ничего не видно! А как протрёшь, так стекло мутнеет, готовое опять заледенеть. С плохоньким отопителем в мороз стёкла не отогреть!

И всё же Алексею поездка даётся легче, нежели Иварсу. Алексей-то замотался в одеяло – от ног до подбородка, но всё равно дрожит. Хорошо ещё, прихватили сравнительно теплые танковые куртки. Шинели на всякий случай тоже взяли, но ехать в них не решились. И правильно сделали – давно бы дуба дали.

Иварс настроен героически. Кажется, он тайно связывает это путешествие с посещением родных мест. Ведь родом он, кажется, с Рижского побережья. Потому, согреваемый меч-

той или воспоминаниями, стойко преодолевает жуткий холод, а на вопросы Алексея бодрится. Мол, холод зимой – дело привычное! Говорит, что не мёрзнет, вот только пальцы часто растирает, снимая почти бесполезную в мороз армейскую однопалую рукавицу.

Алексей и впрямь верит, будто Иварс не мёрзнет. От этого Алексею и самому становится легче, ибо в этом вопросе помочь водителю он не в состоянии. Кроме того, по себе знает, если у человека есть важное обязательное дело, а увильнуть некуда, появляются силы для преодоления чего угодно! И всё же – лучше бы не переусердствовать. Терпеть-то можно долго, а чтобы загнуться от холода много времени не понадобится. Если поясницу или шею заклинит, то никакой героизм не поможет! Потому они периодически останавливались и бежали наперегонки метров сто-двести вперед, потом назад. Опять забирались в свой морозильник на колёсах, уже распарившись, и продолжали движение.

Какие-то машины встречались редко. Через час подкатили к посёлку Чернышевское. По-старому, ещё по-немецки, – Эйдткунен. И не выговорить!

Совсем неинтересный посёлок. Расположен он перед условной границей Калининградской области с Литвой. А раньше, ещё при немцах, Эйдткунен был настоящим крохотным городком, в котором по-городскому жили пять тысяч немцев. Производили, в основном, сельхозпродукцию или ее же перерабатывали.

Хорошо заметна обезглавленная снарядом кирха, приспособленная теперь неизвестно подо что. Массивные немецкие дома сложностью своих фасадов, даже самых неприятных, ничуть не напоминают современные панельные коробки, гладенькие со всех сторон. Но старые немецкие дома, пережившие ужас обстрелов и бомбардировок, так и не дождались мало-мальского ремонта, хотя плотно заселены советскими людьми. Они, кажется, смирились, привыкли терпеть что угодно. Ведь другого выхода у них нет.

По казарменному мрачны длинные ряды оконных стекол на трех-четырёх этажах. Кое-где и стёкол-то нет. Крыша под натуральной черепицей местами разворочена и заделана, чем пришлось. Только дымящиеся трубы подтверждают наличие здесь жизни. Картина безрадостная, вызывающая в душе неприятный осадок и чувство безнадежности.

«Слышал как-то, – вспомнил Алексей давний разговор с замполитом, – будто Калининградскую область после сильнейших разрушительных боёв до сих пор почти не восстанавливают, подразумевая ее возврат Польше в качестве акта доброй воли. Пусть даже так! Не нам судить, как поступать с этой землёй! Но люди-то наши, без вины виноватые, так и живут в этих черных руинах десятки лет. Их-то что? Тоже передадут полякам в качестве той самой доброй воли? А чтобы в нормальные дома вселить, доброй воли не хватило? Всякие Петродворцы заново отстроили, а люди – они ведь не дворцы! Люди – стерпят! Они, мол, понимают, на-

сколько страшной и разорительной оказалась война! Ну, а не стерпят, так всё равно, деваться им некуда! Что происходит? Нельзя же так с теми людьми, которые и без того столько на своих плечах вынесли! Ужаснейшая несправедливость!» – разволновался вдруг Алексей.

Тем временем машина перевалила через слегка обозначившийся мостик, и синий дорожный знак подсказал название другого населенного пункта – уже в Литве – посёлок Кибартай.

И сразу картинка за окном изменилась. Алексей увидел, как вдоль трассы потянулись приятные на вид однотипные домики с ослепительно чистыми стеклами, единым вдоль улицы декоративным заборчиком, фруктовыми садами и едва заметными аккуратными тепличками на заднем плане.

От тротуаров широченной улицы, с двух сторон окаймившей спешащее дальше шоссе, снег отброшен и выровнен красивыми валками. Над крышами кучерявятся белые дымы. Возле яркого одноэтажного магазинчика расчищена от снега большая площадка для автомобилей. Через огромные окна заметно кипение жизни. В сравнении с увиденным пятью минутами ранее, Алексею эта чужая жизнь представилась очень даже привлекательной. Здесь, пожалуй, каждый согласился бы пожить...

«Как же так? – удивился он. – Единая страна! Единый, как будто, народ, на великие дела способный, а жизнь настолько разная, что глаз режет! Почему так? Если бы то гиблое

Чернышевское по-хорошему восстановить, да о жителях подумать так, чтобы не каждый из них в одиночку лопатой махал, наводя вокруг себя порядок, то, глядишь, ещё лучше получилось бы, нежели теперь у литовцев! Выходит, немцы могли организовать свою жизнь как люди! И литовцы могут! Так почему русские всегда как скоты жили? Как скоты и теперь живут, если их убогие населенные пункты не относятся к паре тех козырных городов, которые за счет всей страны лелеются и ублажаются. Которые существуют для показухи и помпезных парадов! И в которых жители убеждены, будто они такие хорошие-расхорошие, что более прочих граждан нашей страны заслужили нормальную жизнь!»

Наконец, и Кибартай остался позади, но Алексей никак не мог избавиться от каверзной мыслишки, ранее его не беспокоившей:

«Почему я словно в другую страну заброшен, хотя не выезжал из своей? Почему одним людям в ней достаётся всё, а другим – остальное? То есть, ни шиша! Где в моей огромной стране я смогу увидеть крохотный населенный пункт, который по благоустройству похож на приличный западный городок? Чтобы дома были красивые, чтобы планировка улиц не абы как! Чтобы тротуары, велосипедные дорожки, а не грязь непроходимая! Чтобы всё завершено, всё отточено, огорожено, подключено, покрашено! Тот же Эйдткунен с его пятью тысячами немцев именно таким и был когда-то!

Или скажете мне, будто в нём жили чумные миллионеры, не знавшие недостатка в финансах? Или в том посёлке счастливо проживала любимая дочь кайзера Вильгельма? Так каким же могучим производителем тот кайзер оказался, если его дочерей хватило на все крохотные городишки Германии, которые также прекрасно отстроены! Всё в них создавалось, всё имело привлекательный вид, всё было удобно для жителей! Как же так? Какой секрет был известен немцам, который советская власть не сумела постичь? Я понимаю невероятные трудности своей страны, окруженной теми, кто всегда желает проглотить ее с потрохами! Содержать такую большую армию, как наша, да чуть не каждый год обновлять ее дорогостоящее вооружение, это кому же по силам? Но ведь и германцы воевали всегда! Значит, тоже невероятно тратились! А деньги на строительство, благоустройство, очеловечивание местности вокруг себя они всё-таки находили... Как-то находили! И мне очень интересно – как именно? Может, и мы, если очень постараемся, осилим подобное?»

Глава 5

Большие города Алексей не любил. Почему так? Просто не любил, и всё. За их муравьиное мельтешение. За большие и огромные расстояния, которые приходится преодолевать по самым пустячным делам и вопросам, теряя время, теряя попусту саму жизнь. За то, что в них трудно обойтись без транспорта. За то, что всё плохое, загрязняющее, разлагающее всегда начиналось с них. За то, что они не имеют милой атмосферы уютных малых городов, где люди приветливо здороваются по утрам, искренне интересуются своим соседом и попросту болтают в любое время при встрече. За шумность, за пыльную зелень, чрезмерно высокие дома и медленные лифты, отрывающие человека от родной земли, но не делающие его птицей. За множество наглых автомобилей на дорогах, грохочущих и забивающих наши легкие ядовитыми газами. За обязанность подчиняться глупым светофорам, заставляющим стоять, когда на дороге нет машин... Много, за что!

Кому-то может показаться странной эта неприязнь Алексея, ведь большинство людей стремятся жить как раз в крупных городах...

Но кто задумывается, почему они стремятся? Чаще всего лишь потому, что им внушили псевдолюбовь к суете и маяте больших городов, которая их якобы к себе тянет. Внуши-

ли...

Большинство людей ошибочно полагают, будто в большом городе больше возможностей для работы, отдыха. Вообще, для активной жизни.

Многих большие города привлекают сложившимся в них разделением труда. В городе уже есть те, кто за них и двор подметёт, и цветы польёт. Кто-то испечёт хлеб и нальёт молока. Кто-то дом обогреет и воду в него подаст. Здесь не надо запрягать лошадей и выкапывать картошку... Здесь можно всё иметь, не запачкав белы ручки...

Есть и другая меркантильная причина. Заведомо лучшее материальное обеспечение именно больших городов. В них удобно потреблять! Такова специфическая болезнь, прежде всего, советских городов. Вполне возможно, какому-то важному дядечке в его высоком кресле так живется спокойнее. И ведь он по-своему прав! В большом городе любой шумок может в два счёта разрастись до грома небесного! Дабы упредить, лучше народ сразу не гневить...

А уж Москва и Ленинград вообще на особом положении. И, собственно говоря, почему на особом?

Не почему так заведено? А почему такое состояние дел в остальных уголках страны не представляется банальным свинством? Свинством по отношению к порядочным людям, которые в других городах, деревнях или даже на безымянных строительных площадках укрепляют и прославляют свою страну. Или эти люди иного сорта? Или они иных ка-

тегорий, на которые по части обеспечения самым странным образом поделены все советские города? Свинство – самое подходящее слово для столь дискриминационного «равенства»!

Кстати, пальцем в небо попадут те, кто нелюбовь Алексея к большим городам объяснит его провинциальностью. То есть, привычкой жить в маленьких населенных пунктиках. Они удивятся, если узнают, – не сложилась у Алексея такая привычка! И зависти нет! Есть удивление; есть неприятие; есть возмущение.

Алексей вырос в семье армейского офицера. И его семья немало поколесила и по стране, и по заграницам. Потому и жили, и бывали, и проезжали, и к друзьям заглядывали во многие большие города. Однажды по случаю Алексей стал вспоминать, где побывал с родителями, где поживал с ними, загибая пальцы. И этих пальцев не хватило на руках и на ногах, вместе взятых.

«Какой смысл говорить о возможностях большого города, если вы не используете их даже на один процент? – опровергал наиболее популярное оправдание привязанности к крупным городам Алексей. – Вот я, приезжая в Москву, Ленинград, Киев, Ташкент, Алма-Ату, Ростов или в родную Одессу, всё в них за свой отпуск выверну наизнанку! Поскольку мне всё интересно, поскольку соскучился по другой обстановке. Везде побываю, даже там, где бывал в прошлый раз, и

всё послушаю, и всё увижу, и всё узнаю, и всё засвидетельствую, во всем поучаствую...»

Глава 6

Однажды хорошие друзья Алексея, принимавшие его с женой и сыном на неделю в Ленинграде, искренне удивились и даже огорчились за себя: «Надо же, а мы в Русском музее, в БДТ, в Пушкинском театре, в Эрмитаже забыли, когда были... А вы за несколько дней уже везде побывали... И даже в музее Арктики, о котором мы не слыхивали... Даже в музее пожарного дела... Надо же! Не говоря о Петродворце, Ломоносове, Кунсткамере, Пушкине, Зоологическом музее, Авроре, артиллерийском музее, Исаакиевском соборе, квартире-музее Ф.М. Достоевского... Боже мой! И когда вы всё успеваете? Да еще с маленьким сынишкой!»

– Если бы мы постоянно жили в Ленинграде! – засмеялся в ответ Алексей. – Тогда наверняка забыли бы обо всей его красоте, как забывают о чём-то второстепенном! Существует она как-то рядом, ну и пусть! А теперь нам время дорого – когда подобная возможность опять представится? Значит, мы обязаны всё и везде успеть! Потому и ставим себе непосильные задачки и решаем их успешно! Вот и весь наш секрет!

– Нам бы ваш напор и стремление! – позавидовали хозяева-ленинградцы.

– Даже не мечтайте! Не выйдет! Я же знаю, москвичи вам не скажут, сколько стоит билет в Третьяковку, а ленинград-

цы не знают с какой стороны вход в Эрмитаж! Все это у них где-то есть, считается, что оно им и принадлежит, но никогда не посещали! Зато сколько спеси: «Мы, москвичи! Мы, ленинградцы!» А на самом деле – вы как та собака на сене!

– Ну, это уже перебор! – почти обиделись хозяева.

– Мы вас расхваливаем, может, только из вежливости, а вы нас бесцеремонно позорите! С какой стати? Неужели из-за особой интеллигентности всех жителей малых городов? – засмеялся хозяин. – Лучше пойдёмте за стол – обед вас, гуляки-задаваки, давно ждёт!

– Всё, всё! Хотел пошутить, но случайно затронул большую струну! – опять ужалил друзей Алексей.

– Ну, ты и заноза! Или в вашем Черняховске больше интересных, чем в Ленинграде? – не промолчал и хозяин.

– Хватит вам препираться, мужчины! Все – хороши! – примирительно засмеялась хозяйка. – Вот как заявимся когда-нибудь в ваш милый малый городок, как всё там залпом осмотрим, как изучим... Тогда и поглядите, на что мы, ленинградцы, годимся!

– Вызов принят! – не сдался Алексей. – Только трудно вам будет – у нас до сих пор экскурсоводов не завели! Потому вы мне лучше здесь объясните, почему ваш Петр, который якобы медный всадник, отлит не из меди, а из бронзы? Скажете мне, что Пушкин виноват? Но еще интереснее, почему Пётр сидит на коне без штанов?

Все онемели в едином немом вопросе. Наконец, Людмила

не выдержала:

– Как – без штанов? Ты даже мне об этом никогда не говорил! Все смотрят, и никто не видит! Один ты разглядел? Ну, знаешь! Хватит всех разыгрывать!

– Действительно, не понять о чём это ты? – подключился хозяин. – Никогда не обращал внимания... Сидит себе... Вроде, никуда не уходит!

– Так вы, ленинградцы дорогие, обратите своё пристальное внимание! – посоветовал Алексей. – Он не только без штанов сидит, но и в каком-то странном женском платье! Разве в его времена кто-то так одевался?

– Обязательно схожу поглядеть! – засмеялась хозяйка. – Видимо, совсем Петр совесть потерял!

– Если пойдешь посмотреть, то сразу выясни, почему он без стремян на коне сидит? – раззадорил Алексей. – Это уже не скачки, а сущая мука получается! Так ни один всадник не поступит! Разве, который без головы! И еще одно... Кого он там побеждает?

– Ну, как же! Швецию в лице коварного змея копытом придавил! – напомнил хозяин. – Или тоже что-то не так?

– Не знаю! Но кажется мне, будто Петр по недомыслию своего коня погубил... Змей его явно укусил! Потому скотина на дыбы и поднялась! Глядишь, скоро околеет! Надо бы сначала змея копьём или саблей достать... Но у Петра – ни того, ни другого! Только меч в ножнах болтается, хотя на вооружении таких мечей уже давно не было. По всему видать,

Петр со Швецией, как вы мне подсказали, воевать даже не собирался! Вот я и думаю, что странная получается история с этим медным Петром без штанов... Очень уж надуманная история!

– Ладно тебе! – остановила мужа Людмила. – Расхвастался своими наблюдениями сверх всякой меры... Мы ведь с тобой у друзей... В великом Ленинграде! Или ты рискнешь сравнить его с нашим серым полуразрушенным Черняховском?

– Ну, да! Разрушить-то его в 45-м до основания мы смогли, а вот затем... Затем – не получилось! И так у нас во всём... – не успокоился Алексей, хотя хозяин уже раскупорил запотевшую бутылку, которая должна была, по его разумению, всех примирить.

– Вот об этом лучше не будем! – решительно возразил хозяин Алексею. – Жаль, конечно, что не смогли восстановить, но ресурсов на всю страну ведь и впрямь не хватало! Приходилось выделять главные направления... Мы же не США, которые весь мир обирают, потом между собой это делят, оттого и самые богатые. На них все страны работают, даже мы, в какой-то степени!

– Не будем, так не будем! – согласился Алексей и тут же добавил. – Но маленькие города всегда предпочтительнее больших, при условии, что их умышленно не делают зачуханными, занюханнными, непривлекательными...

– Это как же? – опять с доброй, но недоверчивой усмеш-

кой вмешалась хозяйка.

– Да всё просто! – возбудился Алексей. – У нас природа прямо за дверью... Поля, леса, речки... Весной первоцветы! Всякие там фиалки лесные, ветреницы, ландыши, орешки... Такие чувства возбуждают, такие настроения... На подвиги вдохновляют... Воздух! Летом за несколько часов мы с женой – помнишь, Людок? – полное ведро малины набрали! Облепихи – полно, грибов – океан... Прямо как на вашем Владимирском рынке! – подколот друзей Алексей.

– Я не об этом тебя спросила! – не отступила хозяйка. – Кто же старается сделать наши маленькие города зачуханными и занюханнами?

– Система! – выдохнул Алексей. – Разумеется, система!

– Ты на что, диссидент проклятый, намякиваешь? – дурашливо уточнил хозяин. – Или ты против родной советской власти? – опять же дурашливо повысил он голос, придавая ему оттенок утешения. – Опять тебя, Лёха, на грошовую политику потянуло?

– Мальчики! Не будем ссориться из-за всякой ерунды! – предложила Людмила. – Ну что ты, Алёшка, в самом деле? Опять вскочил на любимого конька? Хоть сегодня оставь его в конюшне!

– Да что вы со всех сторон на меня! – рассмеялся в ответ Алексей. – Дело вовсе не в советской власти, как таковой! Дело в ее руководителях! И в их окружении! Все они и всегда – заодно! Это нас и губит! Если бы они думали и делали за-

одно, было бы, пожалуй, нормально! Так нет же! Они только подпевают заодно! Тому, кто у них считается начальником! А что они в действительности думают и куда нас тянут, разве сразу поймешь? А хотелось бы! Но мы замечаем лишь под-халимаж! Нам показывают поцелуи взасос и речи с высоких трибун! И зачем нужны им мы? При такой их жизни?

– Алексей! – Людмила опять попыталась умерить спорщицкий пыл разгорячившегося супруга. – Успокойся... Успокойся... Прошу тебя, родной!

– Людок, я спокоен! – действительно спокойно и весело ответил Алексей, приобняв жену, насколько это получилось за столом. – Просто мне не дали ответить на вопрос Нины (хозяйка)... А виновата во всём девушка с веслом!

Хозяин сразу расхохотался. Да и всем стало весело оттого, что, наконец, выяснилось, кто же во всём виноват. На этот счет сразу посыпались шутки. Всем действительно показалась занятой логика Алексея. Интересно же, почему он во всём обвинил столь несчастную гипсовую девушку, полураздетую летом и зимой, застывшую в каждом парке культуры? И Алексей, почувствовав к себе внимание, вбросил еще один термин, кого-то заинтриговавший, кому-то всё объяснивший:

– Остаточный принцип! Вот чем бьет и уродует наши малые города то пресловутое весло! Сами знаете! Перед каждым райкомом, горкомом, обкомом всегда большой и ухоженный цветник! А чуть в стороне, как сто лет назад, посре-

ди улицы в луже свиньи похрюкивают!

– Насчёт свиней ты, пожалуй, загнул! – возразил хозяин. – Но направление твоей мысли я вполне поддерживаю! Так и есть! И я не понимаю, почему на обкомовский цветник затрачен рубль, а на весь остальной город – несчастные три копейки? Причём, две из них уплачены некому московскому скульптору, которому заказали вылепить ту несчастную девушку! Она им давно освоена, потому скульптор продаёт ее совсем недорого. Да еще в комплекте с веслом! Самый скудный бюджет потянет... Если с веслом, конечно! – захохотал хозяин.

– Да, да! – окрылился Алексей тем, что его поняли. – И так по всей стране! И во всём – точно так! По той же схеме! На Москву выделяются многие рубли; на Ленинград и прочие большие города – по рублику, а на весь Союз, от Бреста до Сахалина, те самые три копейки! Поделите их на всё и ужритесь, дорогие наши жители! Но даже из трёх копеек большая часть осядет в областном центре; крохотная – в районном; ещё меньше – в поселковом... А самому низу достанется то ли пшик, то ли фиг! А скорее всего, – ни фига! И как там троллейбус или красота появится, если нет финансирования?

– Это, точно! – вставила хозяйка. – Но вы ешьте, ешьте! Коля, а ты подливай гостям, не ленись и зубы им не заговаривай! Устали ведь люди!

– А я на немецкие крохотные городишки как погляжу,

так мои руки от безысходности опускаются! – воспламенился Алексей. – Смотришь, у них численность населения всегда на въезде указана... На той самой табличке, на которой название... Какой-нибудь Бадхёзен! 1,3 тысячи жителей! А ведь – красота! Загляденье! В Ленинграде каждый их домик охранялся бы государством как особый памятник архитектуры! И почему они могут строить, а мы только мечтать?

– Так ведь деньги... Деньги у них не те! – вставила Людмила. – У нас всё на армию, на космос да на Москву! И ещё на братскую помощь народам всего мира, которые денежки наши берут, а пляшут под дудку США... Как в том анекдоте, когда дедушка от радости за внука, поступившего в университет дружбы народов, с пальмы упал... Упал и хвост сломал, бедняга! Таковы наши друзья по всему миру!

– Bravo, Людмила! – поддержала хозяйка. – Мы тоже что-то понимаем... Туда наши денежки и утекают! А нам от узкоглазых и черномазых достаются широкоформатные улыбки да пламенные рукопожатия! Но даже они оседают где-то в кремлевских хоромах!

– О! Наши женщины в бой рвутся! – восторженно воскликнул хозяин. – Если бы еще понимали, с кем бороться собираются, глупышки!

– А если по шее? Да два раза! – осведомилась хозяйка. – Или вечером сочтёмся, когда подлизываться начнёшь? – расхохоталась она.

– Ой! Ниже пояса не бить! – захохотал и хозяин.

– Всё равно, не понимаю! – сознался Алексей. – Надо думать, и у них, у буржуинов проклятых, своих проблем немало, но они вокруг себя создают ошеломляющую красоту, а у нас денег только на вёсла хватает! Да на мусор, который мы используем как украшение территории... И почему так?

– Леха! – вмешался хозяин глубоко сочувствующим, но недостаточно трезвым голосом. – Леха! У них кто хозяин денег? Не понимаешь, что ли?

– Кто? – по инерции уточнил Алексей, тоже нетрезвый.

– Они сами своим деньгам хозяева! Сами! Сами ограбили свой народ непосильной эксплуатацией, или даже честно заработали, но потом-то потратили, на что сами захотели! Хоть и на ту же красоту! А у нас... Даже знаменитый АвтоВаз с его немислимой рентабельностью... Вполне мог быть миллиардером, но все деньги сдаёт в госбюджет! Ему даже на проекты новых автомобилей не хватает! Может, Госплан и хотел бы что-то на красоту выделить, так ему важный дядечка из ЦК свои рекомендации выдает, которыми пренебрегать не допускается! Конечно, если не хочешь с работы вылететь! Вот откуда растут, Лёшенька, длинные ноги твоей девушки с веслом!

– Неужели у них там все миллионеры? Кидают деньги, куда не хочу? – одновременно с хозяйкой спросила Людмила, но за столом все уже волновались, все хотели вставить своё единственное правильное замечание.

– Разве так не должно быть? Разве может быть иначе? –

удивилась хозяйка.

– Вы про длинные женские ноги? Сомневаетесь, откуда они должны расти? – наигранно удивился Алексей, но и сам рассмеялся. – Ладно... Я пошутил! Но вспомните всякие акционерные общества! Они же свои средства собирали отовсюду на любое стоящее общее дело! И сами управляли своими деньгами! Сами, фактически, и строили! И не только железные дороги и доходные дома, но и красоту вокруг них! И теперь всех удивляют результаты их деятельности! А для меня они до сих пор остались лучшим памятником и доказательством правильной деятельности тех акционерных обществ! А у нас даже кооперация не вправе сама что-то решать! У нас партийный дядя всё решает! А акционерные общества, всякие «Господин Вася и К» у нас после революции только в старорежимном кино появляются!

– А если тот дядя ещё и не всё понимает в том вопросе! – выступил хозяин, излишне повысив голос. – А ведь у него и свои тайные соображения имеются, не очень подходящие остальному советскому народу? Например, как у Хрущёва? Как тогда?

– О! Уже до этого дурака добрались! – засмеялась хозяйка.

– Да кто же тебе сказал, милая моя, что он был дураком? – возразил хозяин. – Хрущев был умным человеком! Очень умным! Хотя институтов не оканчивал! Даже школьных классов имел всего четыре. Но образование умного че-

ловека не вузами определяется, а самообучением, наблюдательностью, настойчивостью, необходимостью, образованностью его окружения, наконец!

– Был бы умным, не наворочал бы такого в стране! – уверенно вставила хозяйка, полагая, что высказала самую важную истину.

– Нинель! – среагировал хозяин. – Ты, часом, с ним не того? Случайно, а? Что-то очень он тебя то ли возбуждает, то ли обижает! Может, у вас с ним что-то было? – стал глуповато иронизировать хозяин.

– Ты тоже – дурак! – засмеялась Нина. – Но и у нас с тобой, кажется, что-то было! Может, мне и об этом придётся пожалеть?

– Ре-бя-та! Пожалуйста, снизьте чуток температуру разговора! – смеясь, попросила Людмила. – Из-за чего мы ссоримся?

– Действительно! – подпел хозяин. – Но истина, как ни крути, всё равно дороже! Вы еще расскажите мне про кукурузу, про МТС или про разделение партийных органов на сельские и городские! Или про международный фестиваль 57-го года, который до сих пор нам отгрыгивается. Или про убийственную денежную реформу. Или про самое крупное в мире жилищное строительство – весьма положительное наследие Хрущёва. Всё это было, всё это известно, но не это в Хрущеве главное! Главное в нём редко кто понимает! – сказал хозяин, словно рубанул, и замолчал, ожидая реакцию.

Она последовала незамедлительно:

– Ну, и? И что же, по-твоему, главное? – спросил Алексей.

– Хрущев до мозга своих костей был троцкистом!

– А в этом что нового или непонятного? – удивился Алексей. – Это все знают, кто хоть что-то желает знать!

– Не скажи! – не успокоился хозяин. – Из этого многое вытекает в его поведении и его политике! Как троцкист – он ненавидел капитализм, рассчитывая уничтожить его пожаром мировой революции. Но он как Маркс, как Троцкий, был уверен, будто социализм способен победить лишь в том случае, если революция произойдет одновременно во всех странах! А Советский Союз неожиданно вырвался вперед, один-единственный, нарушив этот гипотетический порядок. Советский Союз якобы загубил весь план мировой революции! Следовательно, он – враг! Его надо уничтожить, а затем всё начать сначала! Именно так Хрущев и думал, так и делал! Разумеется, тайно делал, чтобы оппоненты не раскрыли, чтобы не расстреляли! Но сторонников себе он тоже вербовал много и весьма успешно... Всякие тухачевские, бухарины, якиры... Хорошо, что сотни подпольных врагов, им завербованных, себя как-то выдали... Наши органы работали отлично и их обезвредили! Но сколько ещё осталось! Очень много! В том числе, и сам Никита, организатор всех побед троцкизма в нашей стране!

– Так почему же он армию и экономику нашей страны укреплял? А с США не только мирно соревновался, но и

вполне серьёзно угрожал их всех закопать? – удивился Алексей. – Ведь он эти США считал своим злейшим врагом! Один Карибский кризис чего стоит!

– Вот и ты не усёк самого главного! – разгорячился хозяин. – Повторяю! Хрущёв считал своими злейшими врагами и США, и СССР! Он мечтал о гибели этих государств и их народов! Но Советский Союз в его руках являлся орудием борьбы со Штатами! Потому это орудие требовалось укреплять! Значит, приходилось укреплять и советскую армию, и экономику СССР! До поры, конечно! До той самой войны, в которой, как надеялся Хрущёв, и США, и Советский Союз взаимно нейтрализуются! Зато потом от невыносимости наступившей после ядерной войны жизни обязательно вспыхнет мировая революция! По всему видать, что Хрущёву не было жаль нашу страну, и тем более, наш народ. А народ, между тем, погибать не собирался! Он выстоял в великой войне и хотел построить коммунизм. Не самая плохая, между прочим, сказка! И вообще! Кому тогда только не мечталось, чтобы жизнь превратилась в радостную сказку? Не мечталось Хрущёву и его сторонникам. Они были убежденными и решительными палачами советского народа! Кстати всем известные палачи Ягода и Ежов полностью разделяли взгляды Троцкого. Тайно, разумеется. И лишь когда руководство страны по их кровавым делам догадалось, что происходит и чего они добиваются, их убрали. Потому-то и получилось, что Ягоду сменил ещё более кровавый Ежов, на

которого надеялись. В нём к тому времени не разобрались. Он, между прочим, вплоть до поста наркома НКВД показывал себя отличным руководителем и организатором! Кто же знал, как он дальше раскроется? Кто же знал, что он настоящий враг?

– Ребята! Успокойтесь! Куда вас занесло и куда еще занесёт? – возмутилась хозяйка. – Поговорите о работе... Или о нас, о женщинах! А нынешние разговоры вас могут познакомить с товарищем Андроповым. Это нам всем нужно?

В том разговоре о Хрущёве товарищи всё подметили правильно. Молодцы! Но очень многого они тогда не знали, потому полного представления получить о событиях той поры и о Хрущёве не могли. Они пытались понять, но их старания были обречены на неудачу! Оно и понятно! Хрущёв остался в истории, а страна вместе с нашими армейскими офицерами пошла дальше. И жила она своим настоящим, поскольку будущее и даже история всегда виделись сквозь туман.

А история... Редко кто понимает, что бывает история, а бывает ее представление. И это крайне важно. За счет раздвоения этих понятий сознание людей ломают и переворачивают, как хотят.

История – это события, которые когда-то реально происходили. Они не придуманы, но ушли в прошлое. Даже очевидцы этих событий когда-то видели их по-своему и спорили, ни за что, не соглашаясь один с другим. Что же говорить

о людях, которые свидетелями тех событий не были и стараются осмыслить их спустя значительное время? Они за историю принимают лишь те сведения, которые от кого-то узнали. И сразу, такова уж психология человека, запоминают это, как некую основу на будущее, как свой опыт, от которого в последующей жизни станут отталкиваться, когда придётся в чем-то разобраться.

Так у людей появляется своё мнение на событие. В действительности, это лишь представление, которое им преподнесли, подсунули или навязали. Оно не повторяет само событие, давая возможность разобраться в нём самостоятельно! Оно лишь как-то повествует о нём. Верно или криво! Многосторонне, или кособоко! Случайным образом, как придётся, или заведомо неверно, с неким умыслом.

Ведь придумать можно, чёрт знает что! Это может вполне оказаться безобидным, если вас по-доброму разыгрывают. А если это не обычный розыгрыш, а злой умысел, намеренно меняющий ваше представление о реальности. Вы ведь эти перевёрнутые представления и дальше с собой понесёте. И будете уверены, будто белое – это чёрное. И наоборот!

Чаще всего за историю люди принимают представления, навязанные учителями в школе, авторами каких-то книг или искусством в широком смысле этого слова – всякими спектаклями, фильмами, картинами...

По этим искаженным представлениям люди судят о том, что и как было. По ним они пытаются понять свою жизнь и современные события. И даже прогнозируют будущее. Но не понимают, что опираются не на историю, а на некие представления о ней, часто неверные.

Возьмем хотя бы такой пример.

Ленин умер давным-давно, и его жизнь, всё хорошее и плохое в ней, уже никак не может измениться. Жизнь и деятельность Ленина – это история. Но есть немало представлений об этой жизни, об этой истории.

Вот одно из них, которое вы, пожалуй, сами знаете. Раньше Ленин для нас был безусловным лучом света в тёмном царстве. Это было усвоенное нами представление – и не столь важно, правильное оно или нет. Но оно было! Было именно таким – Ленин гений, освободитель народа, который повёл угнетенных рабочих и крестьян в светлое будущее!

Но ушло то время. Власть рабочих и крестьян опять сменилась властью алчной буржуазии. Для них Ленин – это человек, который может раскрыть народу глаза на происходящее, на сущность эксплуатации человека человеком. А уж тогда, плакали наворованные денежки, заводы и пароходы! Стало быть, Ленина следует опорочить. И вот он уже для нас – кровожадный тиран, немецкий шпион, поломавший на иностранные подачки исторический путь благословенной России! Вынести этого изверга из мавзолея! Предать его земле по русским традициям. Этого он и сам хотел, хотела его

жена и все православные люди России. Это проклятые большевики, ломая всё и вся, предали с Лениным Россию, навязали ее народам гражданскую войну, коллективизацию, репрессии... В них погиб весь цвет России!

И так далее. Догадитесь, какие убеждения останутся у человека (ребёнка), если ему постоянно внушать только одно представление о Ленине. Только первое! Или только второе! Но именно так и формируют убеждения – верные или неверные! Именно так направляют людей на защиту или свержение чего угодно!

В действительности часто картина получается ещё более неприятная. Многие люди и после обработки их мозгов, и после впихивания в них каких-то представлений, всё равно не имеют своих убеждений. Потому легко сбиваются с толку, если им в мозги вдавливают нечто противоположное. Особенно, если это делает авторитет! Делает уверенно, масштабно, по всем каналам и направлениям. В этом случае большинство населения обязательно меняет свои «убеждения» на новенькие, заново навязанные!

Вот и страна Советов куда-то покатилась вместе с разговорчивым Хрущевым, так и не разобравшись, что самым роковым образом изменила прежний курс, с таким трудом и потерями проложенный вместе со Сталиным. Она же думала, будто и новое руководство страны продолжит движение к социализму.

Так поначалу и было. После смерти Сталина никакого переворота не произошло. Все посты распределили в соответствии с завещанием самого Сталина. Во главе страны оказался безвольный, но русский Маленков. За ним – грузин Берия, умный, деятельный, убежденный, честный! И так далее по списку. В самом его конце почти случайно оказался Н.С. Хрущёв.

Пока Берия был жив, никакой смены курса не могло случиться! За это страна могла не волноваться. Она и не волновалась, лишь переживала своё горе из-за утраты любимого вождя. И шла прежним курсом, выгодным народу.

Но переворот произошёл очень скоро. И только после убийства Берии. Формально во главе страны оставался Маленков, но фактически всех уже подмял главный заговорщик Хрущёв, умело опиравшийся на предательский генералитет и маршалитет!

А остальные «герои» из Политбюро, Верховного Совета и Совета Министров, то есть, находившиеся рядом с Хрущёвым, поддержали изменников! Поддержали из-за страха перед военной силой и реальной возможностью гражданской войны, начало которой мог положить военный конфликт между ничего не понимающей армией, верившей изменнику Жукову, и НКВД, абсолютно преданным своему маршалу Лаврентию Берии.

Когда не коррумпированная часть руководства НКВД узнала, что Лаврентий Павлович Берия убит, всякая борьба

за своего начальника утратила смысл – его не вернуть! Потому НКВД в борьбу не вязался, но, понимая суть произошедшего лучше кого-то бы ни было, оказался для заговорщиков крайне опасным. Потому честных чекистов принялись обвинять, бог знает в чём, стали ликвидировать, увольнять, дискредитировать. Вот и опорочили их настолько, что теперь весь народ повторяет глупость, будто во всём виноват НКВД.

Новый курс страны оказался сусанинским. Он уводил ее от социализма. Он вёл страну к гибели!

Часто приходится слышать, будто Хрущёв оказался непоследовательным. Якобы он метался от одной идеи к другой. Будто он сумасброд! Самодур! Будто он не знал, что делал. Трудно с этим согласиться! Он осмысленно разрушал всё то, что относится к социализму! Разрушал его фундамент, разрушал то, что к этому времени уже смогли построить! Разрушал целенаправленно и грамотно! И, как всегда, очень многие прихлебатели, уже занимавшие высокие посты в руководстве страны, предали свой народ и усердно помогали изменникам! Не за идеи Хрущёва они боролись – за собственное благополучие!

Ох, не считайте Хрущёва дурачком! Хрущёв – это личность. Почти неграмотный человек, но очень умный. К тому же – безусловный лидер, способный переубедить, увлечь и повести за собой своё окружение! Генератор идей! И, что очень важно, невероятно активен в проведении своих идей в жизнь! Всех на уши поставит, но своего добьётся!

Но одна беда для страны пришла вместе с Хрущёвым! Он – непримиримый скрытый враг! Человек, лишенный жалости к народу. Человек, вполне осмысленно, не в приступе ярости или тупости, уничтожающий нашу страну. Она не вписывалась в его представление о начале мировой революции повсеместно. Она выскочила вперёд! Потому подлежит уничтожению во имя правильной мировой революции, по теории Маркса. А уж потом, когда Советский Союз уничтожат, всё следует начинать заново! Тогда и надо будет революцию поджечь во всём мире одновременно!

Глава 7

В то время, когда Алексей с семьёй гостил у ленинградских друзей, Юрий Владимирович Андропов, упомянутый хозяйкой для шуточного устрашения спорщиков, возглавлял Комитет государственной безопасности – КГБ.

Советские люди в большинстве своём тогда ничуть не сомневались в необходимости не только самого комитета, но и в расширении его полномочий, поскольку антисоветские настроения стали всё чаще погуливать в народе. В основном, в среде интеллигенции, которая обычно мало делает полезного, но любит порассуждать и поговорить о том, как это полезное следует делать.

Открыто те разговоры велись редко. Да простые люди, как правило, их и не поддерживали. Не из опасений за свою безопасность – честным людям можно было за себя не опасаться – за разговоры не сажали! Только после новочеркасских событий 62-го года положение изменилось. Тогда Хрущёв расстрелял безоружных рабочих с семьями, а потом еще и судилище устроил над наиболее активными из них, как раз за разговоры, за обсуждения, за возмущения, да демонстрации. После этого испугались многие. И хотя подробностей тех событий люди не знали – всё было засекречено – но знали, что всё началось после резкого увеличения цен на колбасу, сливочное масло, сахар... И после несогласия рабочих с одно-

временным изменением в худшую сторону расценок за выполненную работу...

Сколько истину не прячь, как ее не заговаривай, но многим стало понятно, что недовольство населения возникло по вполне объективным причинам. Всё больше людей понимало, что нынешнее руководство страны их трудности совершенно не волнуют. Потому-то большинство государственных проблем стало решаться за счёт рабочего класса и крестьянства. Таким образом, непосредственная вина за возникновение недовольства населения лежала не на населении, а на власти.

Много чего в стране из того, что простым рабочим людям требовалось для нормальной жизни, оказалось в дефиците. То есть, в свободной продаже оно либо отсутствовало, либо доставалось в утомительных очередях. В них-то, в основном, и накапливалось раздражение, в них-то и делались резкие выводы – сначала о своей собственной не до конца устроенной жизни. Потом следовали нелестные обобщения о жизни всей страны. Они были справедливы. И люди вполне обоснованно требовали и надеялись на решение властями своих проблем. Но политического смысла в это недовольство никто не вкладывал. Никто не требовал смены власти. Но все требовали, чтобы она навела порядок в снабжении...

Нынешняя молодежь может не верить, но тогда все магазины были, что называется, завалены кондитерскими изделиями высокого качества, отличными молочными продук-

тами, всякими рисами, гречками, манками и сечками. Вот только с говядиной, свининой, курами, утками, индюшками, гусями, кроликами, колбасой, сосисками, даже с майонезом возникали бесконечные трудности. И это притом, что производство мяса в стране на одного человека было на уровне американского. Те же самые 65 кг!

Но в США, где производили столько же, витрины ломились от отборного мяса и колбасы, ветчины, сосисок, сарделек, шпика, вырезок, фарша, сала, а в Союзе их днем с огнём не сыскать. Разве, что в Москве, Ленинграде да в других городах-миллионниках. Там почти всё удавалось купить в ближайшем гастрономе. Но основная-то часть населения, того населения, которое всё в стране и производило, жила в малых городах, поселках и деревнях! Им питание доставалось тяжело, с большой потерей времени в очередях и плохо оборудованных кухнях.

Полуфабрикаты, значительно разгружавшие хозяек, продавались всюду. И так называемые домовые кухни в городах встречались в избытке. Но мясо в те полуфабрикаты всякими ухищрениями наших славных представителей торговли не попадало почти или вовсе! Потому не все жаловали прекрасно задуманные домовые кухни. Оно и понятно! Их продукция никого не радовала.

Алексей прекрасно помнил то время, когда двадцать лет назад жил в Одессе у бабушки. По ее заданию, зажав деньги

в кулак, он часто бегал то в булочную за хлебом, то в гастроном за колбасой, селёдкой или сыром, то за квасом к бочке за углом, то за овощами или свежей рыбой на знаменитый одесский Привоз. Всего было вдоволь. И никаких очередей! Но проблемой, которую чувствовал на себе даже Алексей, были деньги. Точнее, не деньги, а очень скудный бюджет почти каждой семьи.

Деликатесы свободно лежали в каждом магазине, но денег у населения на них не оставалось – хватило бы на молоко да хлеб! Потому-то дорогое продовольствие красовалось на прилавках, создавая иллюзию изобилия.

Если судить мерками тех, кто сегодня в европах и америках судит о благосостоянии населения по наполнению витрин, то в СССР такое изобилие было достигнуто давным-давно! Но судить-то следует не по витринам, а по потреблению. Как писали в газетах, на душу населения. Словно колбаса нужна душе, а не желудку!

В Америке и в Европе покупательная способность основной части населения низкая. Вот и красуются всяческие деликатесы, лежит отличное продовольствие, якобы никому ненужное. Но люди его и там расхватывали бы сразу, если бы появилась возможность, если бы появились деньги.

Эту истину подтверждают наблюдения в период значительных уценок и скидок, которые регулярно организуются на Западе. (Лучше так, нежели всё сгниёт или устареет!) Огромные очереди перед дверьми закрытых магазинов об-

разуются с вечера. А после открытия начинается светопреставление, в котором стремление что-то урвать, пока это не сделали другие, преобладает над всем остальным. Причем, доходит до самой отвратительной неприглядности. И сколько же людей погибает и калечится в тех давках – в тех жутких акциях распродажи в странах, где якобы всё есть!

У нас в шестидесятые годы, годы видимого изобилия, когда всё свободно лежало на прилавках гастрономов, тоже всё смели бы за пять минут, если оказалось бы по карману! Но купить с запасом и шиком позволяли себе немногие. Лишь самые высокооплачиваемые. Да ещё шикающая криминальная шушера.

Но постепенно ситуация улучшалась. У большей части населения образовались достаточные семейные бюджеты. Такие семьи сразу налегали на питание. Всё чаще и больше они покупали продукты, ранее недоступные. И постепенно продовольствия, производство которого росло, но отставало от быстро нараставшего спроса, стало не хватать. Прежде всего, мясного. Но его опять же производилось не меньше, чем на Западе!

Однако мнение населения на этот счёт складывалось иное! Население, как всегда, исходило из психологической аксиомы – «хорошо там, где нас нет!»

Советским людям казалось, будто на Западе есть всё, что можно пожелать, а у нас почему-то нет буквально ничего! И

никого не интересовала истина: там действительно есть всё! Но лишь для очень ограниченной части населения, у которой, как говорится, деньги куры не клюют! А остальные тоже не шикают или вообще живут впроголодь! Например, в США сегодня 30 млн. человек получают пособие на продовольствие, без которого они не выживут!

Наше население этот факт принимать во внимание категорически не желало, потому у него всегда возникали вопросы: «Почему у нас ничего нет? Может, действительно, как говорят «голоса», социализм ни на что не годен?»

И многие в этом уверились, не купив однажды заветные американские штаны или импортную мебельную стенку. Такие факты раздраженно возводились в абсолют и распространялись на всё и вся! Обиженные не указывали конкретно! Мол, нет таких-то штанов или нет мебельных стенок желанного цвета. Говорили, будто нет ничего! А другие в раздражении, не желая замечать истину, охотно это подхватывали... И всё чаще и всё громче звучало эхо неправды: «Нет ничего! Нет ничего! Нет ничего!..»

Такое мнение, разумеется, не соответствовало действительности. Оно было очень далеко от истины. Но оно формировало мировоззрение людей, отношение к стране, неверие в ее руководство. Оно подрывало устойчивость общества к трудностям, порождало идеи, будто всё следует менять! И прежде иного, как твердят об этом «голоса», нужно покончить с какими-то «несвободами» социализма, которые яко-

бы мешают всем жить. Покончить и с самим социализмом. По сути, покончить со своей страной и со своим народом! И к этим выводам многие стали привыкать!

Многочисленные трудности, недостатки, глупости и перегибы усиливались ещё и тем, что власть предержавшие не могли дать народу то, что ему вдруг захотелось. И неважно, прав народ в своих желаниях или нет. Не могли они даже объяснить достаточно убедительно, почему купить это или то, пока нет возможности!

Потому население до всего додумывалось самостоятельно, как умело, и вполне однозначно приходило к выводу правильному, но не самому главному: «Нахапали в своих закрытых магазинах, зажрались, а с нами даже говорить не желают! Почувствовали себя новыми господами!» Были и другие причины. Очень весомые причины.

Однако в сознании народа уже образовалась мощная червоточина неверия. И ее не лечили. В том и другом виновата была деградировавшая партия, которая подмяла под себя всё и вся, но заниматься реальными делами не могла и даже не хотела!

Потому обсуждение важных социальных вопросов превращалось в обычные тары-бары с высоких трибун. Ведь, если встретиться лицом к лицу, люди за пустую болтовню могут и по шеям надавать! Горячие головы, нет-нет, да и найдутся!

Более всех виновато в разложении партии, которое пере-

кинулось на всю страну, было ее руководство, весь ее аппарат сверху донизу! Говорить с народом откровенно, объяснять реальную ситуацию, как когда-то делали настоящие большевики, хрущевские и брежневские чинуши теперь не желали. Для них это стало унижительным. Они ведь – номенклатура! Они – выше всех и всего! Они – партийные работники!

Именно эту партию, загнившую еще до войны, и разложившуюся преступными усилиями Хрущёва и бездействием Брежнева, следовало по-умному, без разрушительных революций, ликвидировать. Она давно, как заметил Сталин, сделалась тормозом для СССР. Но не могла партия сама себя высечь! Не могла сама себя ликвидировать! Самоубийство во имя жизни остальных, процветания всей страны – это оказалось выше сил переродившейся партии, как и любого другого паразита!

Глава 8

Что представлял собой типичный партийный работник брежневской поры? Судите сами.

Как-то сухой красивой осенью Алексей спешил на службу. Его внимание привлекли две чёрные «Волги», на полном ходу затормозившие рядом с центральным гастрономом. Машины удивили идеальным внешним видом и ровным лаковым блеском, будто с конвейера или с картинки.

Из них шумно высыпалась толпа важных персон в изящных костюмах. Впереди по-хозяйски шагал высокий крупный человек с депутатским значком Верховного Совета СССР.

«Боже мой! – удивился Алексей. – Это же Коновалов! Бессменный первый секретарь Калининградского обкома КПСС! Главный начальник оторванной от России области! Я его только на фото и видел!»

Ради интереса Алексей задержался у газетного киоска, якобы выбирая журнал. И до появления из гастронома важных лиц с удовольствием наблюдал, как два пацана лет пяти ловили свои отражения в отполированных колесных колпаках блестящих «Волг». Дети то наклоняли свои лица до уровня колпаков, то вставали перед ними на цыпочки, то приближались, то удалялись, раскачиваясь в разные стороны, чтобы изображения в кривых зеркалах становились

смешнее. Наверное, это им удалось, и мальчишки задорно хохотали. Потом один из них с благоговением погладил большое блестящее зеркало машины, стараясь заглянуть и в него.

Проинспектировав попутный гастроном, партийные мужи направились к машинам. Коновалов, уже готовый плюхнуться на переднее сиденье своей «Волги», заметил не успевшего отбежать мальчишку, и...

До Алексея донеслась столь отборная ругань, что поначалу он и не сообразил, что же такое происходит? Неужели это и есть Коновалов! Сколько презрения было в тех бранных словах, в том барском пренебрежительном жесте, отгоняющем ребёнка от машины...

Через несколько секунд Алексей пришел в себя. И с опозданием понял, что неистовая злость родилась в нем даже ранее, нежели пришло понимание сути этой сцены. Если бы просевшие от немалого веса «Волги» не рванули вперед, как ни в чём не бывало, Алексей бросился бы, пожалуй, на выручку незаслуженно обиженным мальчуганам. Но машины укатили далеко, а детей на прежнем месте Алексей не обнаружил.

Как оплётанный он направился к своей части.

«Какое лицемерие! – удивлялся Алексей. – И эти чинушсы, с брезгливостью относящиеся к нам и нашим детям, как сами говорят, в наших интересах, в интересах народа руководят страной! Это они-то – наши товарищи? Это вместе с ними и под их руководством мы строим общество равных и

счастливых людей? И мой партийный билет такой же как у них... Разве возможно в одну упряжку запрячь осла и трепетную лань... И кто я с этим билетом? – вдруг усмехнулся Алексей. – Осёл или лань?»

Товарищам о том случае и, тем более, о собственных выводах, он, сам не зная почему, рассказывать не стал. Даже когда кто-то из них упомянул об этом, уже осведомлённый со стороны. Ведь свидетелей-то того безобразия оказалось много. Но сам с собой Алексей вспоминал Коновалова ещё многие годы. Особенно, когда смотрел по телику помпезные пленумы, съезды и прочие мероприятия, где павлинами перемещались рядом с народом такие же коноваловы – политработники, высокопоставленные коммунисты, доблестные руководители коммунистического строительства.

Не секрет, что Алексей и сам был коммунистом. И вокруг него служили родине такие же трудяги-офицеры с партийными билетами и тяжёлой судьбой, честно делающие своё трудное дело.

Членство в КПСС казалось совершенно правильным и не вызывало возражений. Партия обязана контролировать вооруженные силы. А они должны подчиняться партии и быть преданными ей. Потому почти все офицеры – члены партии. Беспартийных по вполне разумным соображениям не продвигают по службе. Для армии такой порядок представляет-

ся разумным.

Но на гражданке многое складывалось иначе.

Коммунистическая партия, в основе своей, считается рабочей, но рабочих в неё не затанешь. Они теперь делают лишь то, что выгодно непосредственно им и их семьям! Вступление же в партию рабочим ничего не даёт. Это – раз! Во-вторых, из-за взносов ещё и зарплата худеет на 3 %. А в-третьих, у всяких парторгов появляется право капать на мозги и всучивать «партийные задания», за которые беспартийные посылают без опаски, куда следует!

Но не все же, в самом деле, являются рабочими! Есть ИТР! Есть крестьяне, преподаватели, воспитатели, ученые, режиссёры, писатели, актеры, ...

Особо выделяется так называемая интеллигенция! В сложившейся системе ей, дабы подняться по служебной лестнице хоть на одну ступеньку, требуется стать партийным.

Как будто, это правильно. В советской стране руководитель должен быть проводником политики партии! Следовательно, должен быть ее членом! Но именно интеллигенцию в партию пускают весьма выборочно!

С этого и начинаются странности, плохо согласующиеся с провозглашенным положением вещей в природе. Тех, кто в партию не хочет, то есть, рабочих, тянут в неё всякими уговорами, посулами или ухищрениями! А тех, кто стремится – не пускают! Хотя и их могут принять. В виде исключения,

если они обеспечат – как угодно – вступление в партию вместе с собой еще трёх рабочих!

Зачем так директивно? Зачем против шерсти? Зачем против естественных тенденций?

А всё просто и логично! Партия коммунистов с некоторых пор лишь считается партией рабочих, а рабочих-то в ней – кот наплакал! И после 53-го года они вообще вступать в такую партию не хотят! Запомнив, как коммунисты-предатели убили Сталина, как они реабилитировали противников сталинского социализма, запомнив делишки хрущевых и маленковых, рабочие уже не стремились в партию, как это происходило в самые трудные периоды нашей истории. Вот нынешней ущербной партии и пришлось прибегать к искусственным приемам, чтобы демонстрировать свою дутую популярность, а через нее и свою «правоту». Лишь бы народ подольше не разобрался...

«Но если действовать так, – думал Алексей, – партия скоро распухнет от карьеристов, и проходимцев, а также людей, зятянутых в неё принудительно. Какими же они окажутся коммунистами – и те, и другие? На баррикады они не годятся! В бой за свой народ, как настоящие коммунисты, эти уже не пойдут! Они запрячутся все в вонючих щелях! Они попутчики, как говорят, до первого милиционера!»

«Так или иначе, но сегодня партия стала иной, чем когда-то! Переродилась! – продолжал свои размышления Алексей. – Разве теперь она – боевой отряд? Когда-то всего

тридцать тысяч настоящих большевиков совершили революцию, а теперь двадцать миллионов коммунистов не годны ни на что, если по большому счёту!»

Алексей, как любой армейский офицер, вечно проверяемый и перепроверяемый всякими инспекциями, да и сам озабоченный повышением боевой готовности, уровня подготовки своей собственной и личного состава, безотказностью техники и прочими важными делами, политработников не уважал. Среди них за свою службу он встретил лишь одного, майора Шиманского, который собственными делами оправдывал звание политработника. Этого человека было за что уважать. Он действительно работал! Но его «съели» свои же! Чтобы не выделялся! Чтобы не контрастировал с остальными!

Поскольку остальные являлись обычными бездельниками. Если они от усердия вообще не отрывали зада от своих бумаг, то и это никакой пользы армии не приносило. Добросовестно просиживая штаны, они всё равно оставались бездельниками. Ведь воспитательной работой не занимались! По крайней мере, никакого эффекта от их работы в подразделениях, частях и выше не наблюдалось!

Они до того ожирели телом и душой, что уверились, будто политработникам можно вообще не разбираться в том, чем занимаются подчиненные им люди! Лишь в авиации политработники обязаны летать наравне с остальными. Уж они-

то знали суть работы своих подчиненных, а, следовательно, лучше понимали их жизнь и их самих. Совершенно необходимое условие для организации воспитательной работы. Необходимое, но недостаточное!

Зато в артиллерийских и ракетных частях политработников вполне устраивало, что они считаются заместителями командиров, то есть, начальниками над всеми, хотя ничего не смыслят в их деле. А то, кем их считают подчиненные, знающие и умеющие больше их, для политработников не столь и важно! «Была бы должность, а уважение приложится!»

«Современные политработники – считал Алексей, – это совсем не те комиссары, которые когда-то заражали всех своей коммунистической идейностью и убежденностью! Которые поднимали людей на смерть во имя великой идеи и сами шли впереди, и смерть презирали! А что говорить о нынешних партийных функционерах в современной мирной жизни? Эти – вообще, лишь ловцы привилегий! Разжирили! Забронзовели!»

Как-то во время затишья на тактических учениях, находясь среди близких товарищей, Алексей проявил невыдержанность. Вмешался в чужой разговор со своим мнением:

– А мне кажется, будто тот же Брежнев, как Генеральный секретарь, работает ничуть не больше нас с вами! Ответственность на нём, конечно, большая. Дела у него – государ-

ственные! А рабочий день – не больше нашего! Даже меньше. Уж, по крайней мере, не десять-двенадцать часов, как у нас! И в суточные наряды по пять раз в месяц он не заступает. А сутки отстоять в наряде, как ни крути, это не восемь, а двадцать четыре часа! То есть, еще два полных рабочих дня в одном военном! Глядишь, за пять нарядов – двадцать рабочих дней в месяце прибавилось! И их нам никто не оплачивает! Так что, если по справедливости, наш рабочий день ещё часа на четыре должен увеличиться! Заметьте, я огромную переработку за всякие учения не считаю! И всё равно, сколько на круг выходит? Пятнадцать или больше? Что это значит? А то, что нас выжимают, как при самом махровом капитализме! То есть, офицер ежедневно вкалывает по две смены! И при этом нас упрекают, будто бы за огромные зарплаты!

– Не все офицеры, как мы напрягаются! – ухмыльнулся друг Пашка. – Кое-кто погоны носит как у нас, а жизнь у него, как на курорте!

– А всё равно! Пусть хоть месячишко попробуют те, кто завидует нашей зарплате! – подхватили товарищи! – Но насчет Генсека ты, Леха, загнул! Он-то, Генсек, – и, говоришь, мало работает? На нём же буквально всё висит! Вся страна! Потому, желает он или нет, а работать подолгу ему приходится!

Глава 9

Ни Алексей, ни его товарищи в своё время не знали, да и знать не могли истины. Уже потом, после смерти Брежнева, после уничтожения не без его помощи нашей страны, стало известно, что он не только по своим партийным должностям, но и от природы был паталогическим бездельником! Многие годы, если не десятилетия, день ото дня он не то чтобы перерабатывал, он вообще не работал, если к этому его не подталкивали чересчур важные обстоятельства.

Охота в Завидово, где дичь Брежневу буквально нанизывали на пулю, аналогичная рыбалка, подмосковная дача, сама собой располагавшая к безделью, затем Пицунда, Ялта, Кисловодск – вот места его обычной «деятельности»! В промежутках она, скажем, не очень напряженная, разнообразилась долгим застольем с крепкими напитками. И не один раз в день! Конечно, тяжело так работать! Прямо-таки, на износ!

О! Если бы тот бездельник хоть чем-то полезным занимался! Впрочем, как судят знатоки, хорошо как раз то, что он ни во что не вмешивался и ничем не занимался!

Позвольте! А зачем он вообще содержался своим народом? Да еще столь роскошно! Ведь в действительности товарищ Брежнев не был уникальным руководителем, умевшим то, что другим не по плечу, радеющим за страну, а всего-то – неким партийным экспонатом. Изредка его показывали сво-

ему народу с высокой трибуны или иностранцам – для порядка. Мол, есть такой в стране!

А разве другим был наш товарищ Суслов? Это тот самый работник, в неизменных галошах круглый год, который формировал в стране всю идеологию! И к чему его деятельность привела? Всех, кого удавалось как-нибудь прижать, конспектировали ненужные им труды Ленина и материалы очередного пленума или съезда! Неужели только для этой ерунды он был нужен своей стране? Недаром все нормальные люди смотреть не могли ни на те труды, ни на самого Суслова!

А может, его вклад в идеологию заключался в том, что если уже не на каждой высокой крыше, то через одну, красовались гигантские буквы, из которых слагалось нечто вроде: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи!» Или «Слава КПСС!»

Шутники тогда всю иронизировали: «А кто этот Слава Капезэс? Славу Метревели мы знаем, а этот кто? (Метревели тоже был классическим паразитом. Но не из партийных работников! Из футболистов).

Пока партийные работники молили языками, будто в принципе у нас всё есть, ушлые советские люди сразу их переспрашивали:

– Скажите, будьте добры! Как и на чём в тот «Принцип» проехать?

И это, как выяснилось позже, была единственная материальная отдача от главного идеолога страны, руководство

которой наивно полагало, будто экономика под знаменем Маркса и Ленина сама собой догонит и перегонит капитализм, и обеспечит прочный фундамент коммунизма!

Однако с таким руководством экономика никого не перегоняла! Она буксовала и, придавленная военными расходами, оказавшимися ей не по плечу, постепенно все больше загибалась. И всем становилось понятно, что руководству страны следовало заниматься именно экономикой, а не засорять пустыми лозунгами сознание не окончательно испорченного рабочего класса, крестьянства и интеллигенции.

Не получилось! Ни ума у руководства не хватило, ни совести! А народ смутно понимал, что все мы катимся в пропасть, только никому не верилось, будто настолько уж всё плохо! Ведь сказали бы нам, если что! Мы налегли бы... Постарались... Перетерпели! Но не сказали... Тихо предали и продали великую страну, чтобы самим дожить спокойно!

Глава 10

Любому человеку, если он действительно стал таковым, а не вырос, как часто случается, питекантропом, кроме штанов и колбасы требуется близкая по духу культура. Впрочем, под этим добром каждый понимает что угодно. Но с любой культурой в мозги нашего населения всё чаще тогда проскакивали необезвреженные никем порции яда. Самое удивительное, что яд исходил не извне, а из именитых и обласканных властью писателей (Солженицын, Аксёнов, Распутин, даже, казалось бы, подлинный советский патриот Васильев потом выдавал...), поэтов (таких творцов в те годы было десятки) или драматургов (Любимов, например). Иногда яд сочился даже из настоящих ученых (Сахаров) или политических деятелей (Яковлев, который Александр, Бовин)!

А сколько антисоветской злобы клокотало во всякого типа актеришках! И это притом, что все они кормились на ниве идеологии, вертели в сфере пропаганды! И такая гниль! Правда, тогда они трусливо помалкивали о своих политических пристрастиях – слишком уж шаткая профессия. Можно легко отпугнуть новые роли, всякие премии и звания... Да и забылось им, что в царские времена актеров вообще считали за людей недостойных внимания где-либо, за исключением сцены! Но как только рухнул Советский Союз, на почве которого они, обычно, всего-то аморальные червя-

ки, много о себе мнящие, принялись усиленно обгаживать советскую власть. Всякие басилашвили, броневые, герды... Явно просматривается национальный аспект! Басилашвили, тот аж слюной захлёбывался, призывая немедленно вернуть Ленинграду его историческое название! Заметьте, немецкое название! От которого даже Николай Второй, в конце концов, догадался избавиться! А здесь, видите ли, такое благородное негодование – поскольку город носил имя ненавистного им Ленина! Был для всего мира не только символом советской власти, но после блокады стал и символом ее героической сути!

Писать об антисоветских настроениях в дряблой среде интеллигенции подробнее, да еще с анализом, нет возможности, поскольку с таким объемом и с таким хитроумным материалом, где всё таится между строк, и Льву Николаевичу Толстому потребовалось работать до седых волос.

Потому здесь уместился всего один эпизодик, позволяющий ощутить на вкус патриотическую мощь тогдашнего советского искусства.

Как-то, по случаю, Алексея с женой занесло в Пушкинский театр Ленинграда. Хороший театр из многих в Ленинграде, как считал Алексей. Да ещё на расхваленный критикой спектакль. Сам Валентин Распутин! Ему тогда все поклонялись... Все зачитывались. Ставили в пример! Рекомендовали друг другу, как нечто сокровенное!

Спектакль назывался «Живи и помни!» И посвящался он автором очередному съезду партии.

Три часа, если считать с перерывом, Алексей в дурмане непонятных противоречий, шевелил мозгами, ёрзал в кресле и не мог понять, как он тогда говорил: «То ли я такой дурак, то ли здесь порядки такие! Ничего не разумею!»

А понять и впрямь было сложно. В качестве главного героя предстал преступник, дезертир, сбежавший из воюющей с врагом Красной Армии и скрывающийся в тайге вблизи родной деревни. А к нему тайком бегала его любящая невеста...

Казалось бы, бог с ними! Тем не менее, это неоднозначное творение насыщено показом таких трудностей и страданий обоих, что невольно даже к предателю возникает чувство жалости, подразумевающее его последующее оправдание.

Со всей очевидностью зрителям со сцены внушали, будто перед ними не подлый изменник, не трусливый подлец, не желающий защищать ни родную землю от поругания, ни даже мать родную, а всего-то любящий несчастный человек, ставший жертвой чудовищных обстоятельств мирового масштаба. Ведь его, несчастного, забрали из родного дома прямо на фронт и заставили стрелять по врагам! Ах, ах, ах!

Шут с ней, с этой гаденькой пьеской, но как быть с посвящением ее съезду партии? И оно, это циничное посвящение, спокойноенько прошло через все цензуры! Как быть с тем, что ее автор утопает в литературных премиях – государственных

и имени Ленина? То есть, он признан государством и официально вещает от его имени! Как быть, что автор считается признанным рупором политики партии? Значит ли, что идеи оправдания измены родине исходят от неё? Как быть с режиссёром, худруком и прочими ответственными лицами? Они пропустили это, будучи под наркозом, или все были вполне заодно?

Ох, не зря у Алексея наступило тогда смятение чувств и мыслей. И не только у него.

«Что происходит? Кто правит этим миром, если в стране с такой помпой прославляют подлых предателей? Кто эту гадость пропустил? Кто рекомендовал посвящать...» – сначала изумлялся, а потом стал понимать, откуда дует ветер, и уже открыто возмущался Алексей.

Но знакомые слушали его молча, на ус мотали, а всерьез не принимали: «Понимаешь, кто ты? А кто Распутин! У тебя – одни взыскания, а у него – одни Ленинские премии! Ну и чего ты в калачный ряд прешь со своим ры... Со своим мнением! Что ты вообще понимаешь?»

И сколько таких культурно-идеологических «бомб» запустили в открытый легковерный народ! И «бомбы» разъедали сознание. Заставляли сомневаться в правильности нашей жизни, подрывали доверие к любым руководителям, ослабляли страну. А если учесть, что многие из тех руководителей действительно никогда не заслуживали доверия, и люди это

рано или поздно понимали, то разрушительный эффект от таких бомб оказался огромным. Но то было лишь начало!

Нужно было обезвреживать идеологический яд, но это, как уже тогда многим казалось, не делалось умышленно. Пример всем подавал Андропов, не только слывший либералом, но и проводивший либеральную политику с теми, от кого политический яд постоянно и исходил.

Разве не сам Андропов выпустил лжеца Солженицына из страны безнаказанным? Пустил, как говорится, козла в огород! Тот и принялся распространять по миру свои пасквили!

Разумеется, вопрос о депортации обсуждало всё политбюро, но решение подготовил ведь Андропов! Он и связи свои использовал, чтобы отправить Солженицына в Германию. По поводу этих связей Андропова с руководством враждебной нам ФРГ с ним в острый конфликт тогда вошёл глава МИД Андрей Громыко. Он поставил данный вопрос перед членами политбюро, как незаконное вмешательство КГБ в вопросы внешнеполитической деятельности СССР. Но Андропову почему-то всё сошло с рук.

Глава 11

Алексей, будучи курсантом, при каждом построении в казарме нос к носу сталкивался с Андроповым. Разумеется, с его большим цветным портретом, висевшим на стене напротив. Бывало, во время вечерней проверки глаза от усталости сами закрывались, но товарищ Андропов уснуть не давал – пытливо всматривался через большущие стёкла очков: «Чего от тебя, Алексей, в этой жизни стоит ждать? Можно ли тебе верить?»

Алексею Андропов тогда нравился. Лицо интеллигентное, умное. Должность серьёзная – не для болтунов. Судя по телепередачам и киножурналам, в глаза лишний раз не лезет, не рисуется, в давлении на народ не замечен. Хорошая молва среди людей идёт о Юрии Владимировиче. Не прост! Как будто, ни в чём себя не запятнал. Во время войны руководил партизанским движением в Карелии. Потом проявил личное мужество, разум и политическое чутьё, являясь послом в Венгрии. Как раз, в 56-м, когда там началось... Потом курировал в ЦК братские компартии...

Только не знал курсант Зотов, что не всё ему удалось понять в Андропове, глядя на его красивый портрет. Недооценил он возможности Председателя КГБ делать своё суще-

ство неизвестным для людей, находясь у всех на виду. Недооценил умение создавать образ деятельного радетеля за социалистические ценности, не являясь таковым.

Даже сейчас люди толком не знают, кто он родом и кто по национальности? А ведь иногда это очень важно! (Ох, не зря же идёт молва, будто он является иудеем, вымаравшим этот факт из своей биографии). Не знают, как ему удалось, переезжая на новую работу первым секретарём ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР, бросить первую семью, вычеркнув ее из своей жизни, не помогая ни в чём, не вспоминая никогда... Как удалось возглавлять партизанское движение на оккупированной территории, но прятаться за номенклатурную бронь, ссылаться на болезнь свою, жены, ребёнка, лишь бы не попасть в жерло реальной войны?

Особенно трудно оправдать поступок Андропова в 1944 году. В то время его начальнику первому секретарю Петрозаводского горкома ВКП(б) Г.Н. Куприянову очередная комиссия стала предъявлять очень странные обвинения в политической близорукости. Мол, зачем носиться с этими подпольщиками, работавшими в тылу немцев? Не надо столь упорно представлять их к награждению... Лучше бы проверить лишний раз, не работали ли они на врага? И далее в таком же ключе. Тот разговор официально вёлся в ЦК партии Карелии. Свидетелями его оказались все секретари горкома. В какой-то момент Куприянов, растерявшись и надеясь на поддержку близких товарищей, показал на Андропова: «Вот,

мой первый заместитель! Он хорошо знает всех подпольщиков, так как принимал участие в подборе, обучении и отправке их в тыл врага, когда работал первым секретарем ЦК комсомола. Он может подтвердить правоту моих слов».

К удивлению всех, Юрий Владимирович встал и заявил: «Никакого участия в организации подпольной работы я не принимал. Ничего о работе подпольщиков не знаю. И за тех, работавших в подполье, я ручаться не могу!»

Что это, если не лжесвидетельство? Если не предательство и еще что-то, чему сложно подобрать морально-нравственное определение? Ведь за ту работу, от которой он уверенно открестился, он же получил несколько наград с формулировкой: «За большую организаторскую работу по мобилизации молодёжи республики в годы войны и по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства, участие в организации партизанского движения в Карелии». Его наградили – ведь не отказался же, будто заслужил! – двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалью «Партизану Великой отечественной войны» первой степени.

Вот таким партизаном оказался Андропов! Он ни разу не покинул Узбекистан, руководя партизанским движением (в Узбекистане в годы оккупации Карелии находилось ее руководство), ни разу не был за линией фронта, не выполнил ни одного боевого задания, типичного для партизан, зато без колебаний предал своего начальника Куприянова, заняв его пост!

Для того чтобы понять, кем в действительности был Юрий Владимирович Андропов, надо знать некий факт из его биографии.

Одно время Юрий Владимирович работал под руководством Председателя Верховного совета Карело-Финской ССР Отто Вильгельмовича Куусинена. Он даже покровительствовал Андропову при его переводе на партийную работу в Москву. То есть, по сути, поручился за него. А это свидетельствует о полном доверии к своему выдвиженцу.

Между прочим, Куусинен был человеком с неординарной биографией. И в ней уместился почти двадцатилетний период работы в руководстве Коминтерна. Как известно, целью той международной структуры являлась организация мировой революции и угодных ей террористических актов. То есть, неприкрытый троцкизм, враждебный советскому социализму! И можно быть уверенным, что Андропов пользовался покровительством Куусинена только потому, что он, как и его начальник, являлся убежденным и проверенным в деле троцкистом.

А это совсем не рядовая информация! Это почти доказанное обвинение в скрытой враждебности к советской власти, к Сталину, к советскому народу! Пусть трижды замаскированная, но враждебность. Хотя бы присмотреться к такому выдвиженцу уже следовало! Между прочим, и Михаила Суслова «поднял» тот же Куусинен. Что сразу порождает нема-

ло вопросов и к самому Суслову.

Таким образом, остаётся лишь уточнить: «Товарищ Андропов! Это вам доверили защиту ненавистного вам государства от внешних врагов?»

Странно! Пустили, как говорится, козла в огород! Да ещё, в какой огород!

Но взять Андропова за руку никто так и не смог. Даже его партийные товарищи, члены Политбюро, не предъявили ему в своё время обвинения в преступном либерализме и заигрывании с антисоветской интеллигенцией, хотя не могли этого не замечать! Очень уж неудобная для таких обвинений у Андропова была должность – Председатель КГБ! Потому он без особого риска для себя явился тем человеком, который заранее расчистил дорогу и затем привёл по ней Горбачёва в высшее руководство страны. Горбачёв же возглавил очередной и очень активный этап разрушения страны.

Потому можно считать товарища Андропова кем угодно, но нельзя отрицать, что человек он тонкий, умный, хорошо понимающий мотивы поведения людей. Следовательно, не мог не видеть, не мог не понимать, что вручает чрезвычайно важные козыри человеку откровенно низкому, аморальному, нечестному, нечистому на руку, человеку недостойному быть руководителем даже самого низкого уровня.

Значит, активизация именно такого Горбачёва входила в тайные планы Андропова. И поскольку теперь всем известно, как Горбачёв поступил со страной, и сделал это неслучай-

но, отчитываясь за каждый шаг перед президентом США, можно быть уверенным, что именно такой план Андропов и вынашивал долгие годы!

Подчас кажется, будто даже те кровавые венгерские события, о возможности которых так своевременно и настойчиво предупреждал советское и партийное руководство молодой посол в Венгрии Юрий Андропов, а потом бесстрашно участвовал в усмирении кровавого мятежа, были специально подстроены под Андропова.

Руководство СССР тогда чересчур спокойно отнеслось к тревожной информации Андропова о подготовке мятежа в Венгрии, посчитало его острые доклады преувеличением, и ничего не предприняло. То есть, проспало! А когда всё произошло именно так, как Андропов и предсказывал, его в верхах, конечно же, заметили, оценили, возвысили и приблизили. Только после венгерских событий и благодаря им и началась карьера Андропова в высших кругах руководства.

Как тут не предположить, что наши активные зарубежные враги не упустили столь интересную возможность – одним выстрелом убить сразу двух зайцев! Во-первых, организовать антикоммунистический мятеж в Венгрии. Дело-то было в 1956 году, когда Венгрия уже считалась народно-демократической, хотя совсем недавно являлась активным союзником фашистской Германии. Большинство зрелых мужчин Венгрии совсем недавно стреляли в советских солдат. Потому организовать мятеж на той территории было не столь уж

трудно. Тем более, с западной помощью оружием и деньгами! И во-вторых, удавалось значительно поднять по должностной лестнице своего союзника, единомышленника, а возможно уже полноценного агента Ю. Андропова.

Это же он, скоро получивший мощный, всесильный и почти бесконтрольный аппарат для тайных и явных репрессий, потом прицельно уничтожал тех людей, которые могли оказаться на самом верху властной пирамиды СССР, опередив самого Андропова. А главное, не допустив такого руководителя страной, при котором она активно бы развивалась.

Поздно теперь скрывать! Многих из тогдашнего руководства страны можно было обвинять в чем угодно! Наверное, по отношению почти ко всем это было бы справедливо! Тем не менее, каждый из них, если бы оказался на вершине властной пирамиды СССР, работал бы только на нашу страну. Но только Андропов работал на ее уничтожение!

Даже совсем уж погрязший в криминальных делишках Министр МВД Щёлоков, и тот, кажется, не терял ни ответственности, ни советского патриотизма.

О! Щёлоков! То была энергичная, умная и очень эффективная фигура и в МВД, и во власти. И вдруг после его смерти стране официально сообщили, будто он по своей воле застрелился.

Ничего себе! Небожитель до того плохо почувствовал себя на земле, что счёл необходимым покончить с собой! Очень странно для него и очень интересно для всех нас, по-

сколькx незадолго до того застрелилась и его жена. Какие-то роковые совпадения! И почему тогда супруги Щёлоковы совершили почти ритуальный акт не вместе?

Андропов и Щелоков, между прочим, жили рядом, через стенку... Это, пожалуй, не столь уж важно, но ведь чуть раньше застрелился и генерал Цвигун, непосредственный заместитель Андропова (но – человек Брежнева). Притом он для самоубийства зачем-то использовал пистолет своего охранника – офицера КГБ. Не правда ли, очень подозрительно? Любому понятно, что тот охранник по заданию Андропова сам и застрелил Цвигуна, а потом вложил ему в руку свой пистолет. Но кто же примет во внимание такие странности, если уже появилась официальная версия событий, исходящая от самого Андропова?

Странные и подозрительные самоубийства! Прямо эпидемия какая-то со смертельным исходом напала на людей, негодных Андропову! Официально, конечно же, считается, будто все смерти тщательно расследованы! Криминала в них не обнаружено! И все они объяснены народу полной безысходностью, возникшей у самоубийц в результате вскрытия Андроповым фактов их невероятной коррупции, хищений, присвоений, стяжательства, злоупотреблений и других преступлений. Почти убедительно!

И всё же, именно потому, что это как-то касается Андропова, представляется логичным, будто Щелоков, его жена и Цвигун могли высказать Андропову нечто такое, из чего он

понял, что они раскрыли себя и молчать не будут! Например, такое:

– Ты что творишь, вражина? Я, как тебе известно, тоже много совершил противозаконного! Я жил не по нормам советской морали! Я купался в присвоенной мною государственной собственности, купался в роскоши! Приближал и возвеличивал нужных мне ничтожеств. Убирал с дороги правдолюбцев, разгадавших меня! Много крови на мне... Но чтобы целенаправленно разрушать свою страну... Это уже слишком! Государственная измена – это совсем другое! На неё после Хрущёва оказался способен лишь ты!

После подобного заявления формально переигравший их во всём Андропов (у него же были все доказательства коррупционности его личных врагов, собранные КГБ), разумеется, не мог поступить иначе, как...

Мы знаем, как? Все сами застрелились! Причём, Щёлоков – из охотничьего ружья! Что это – стремление к экзотике или бред вообще необъяснимый! Ведь у министра под рукой всегда был пистолет.

Здесь вполне уместно вспомнить Петра Машерова – Первого секретаря ЦК компартии Белоруссии. Во время войны он находился в гуще событий – был реальным руководителем партизанского движения в тылу врага. После войны – деятельным и справедливым хозяином, быстро растущим руководителем. Даже слухи о каких-либо тайных богатствах

или роскошном образе жизни к нему не прилипали. Потому что жизнь Петра Машерова была кристально честной и прозрачной. Он мог похвастаться воистину общенародным уважением.

Под руководством Машерова Белоруссия за полтора десятилетия сделала в своем развитии удивительный рывок. Валовое производство выросло в четыре раза, доходы республики – в три раза. Построено много заводов, выпускавших не абь что, а особо важную продукцию. Резко поднялась урожайность зерновых и общий сбор зерна.

В стране с надеждой ждали, когда белорусское «чудо» распространится на весь СССР. Потому-то Машеров оказался для Андропова опаснейшим конкурентом!

Если анализировать трагическую и нелепую смерть Машерова, окажется, что чересчур уж много тоненьких цепочек тянется именно к Андропову. Именно у него были веские мотивы убрать Машерова в октябре 80-го. Ведь желанное место Брежнева вот-вот должно освободиться. А только у Андропова в руках находились все средства для осуществления этого акта. И, конечно же, всё представили как трагическую случайность. Нелепая автомобильная катастрофа.

Кстати, своё место Генсека Брежнев освободил очень скоро. И также, не без помощи Андропова. Именно он в одночасье довел немощного Брежнева до смерти обвинениями его дочери в разбазаривании государственного алмазного фон-

да.

В общем-то, это было фактом! И припереть Брежнева можно было не только им. Там, как говорится, всего хватало... Но важно другое! Почему все факты вскрылись лишь в самый удобный Андропову момент? Почему раньше он о них молчал, преданно заглядывая в глаза Брежневу? Да он просто ждал удобного момента для захвата власти...

К слову, к тому времени, когда в Политбюро вопрос о назначении Горбачёва очередным Генсеком (после смерти Черненко) решался окончательно и положительно, точку в этом вопросе поставил своей веской рекомендацией последний аксакал советского руководства. Не кто иной, как неподкупный человек «Нет» – именно так на Западе якобы называли министра иностранных дел Андрея Громыко, всегда упорно стоявшего на страже интересов СССР.

Тем не менее, как бы честно он не служил своей стране ранее, но совершив свой последний поступок, породил весьма обоснованные сомнения в своей порядочности. А не стали Громыко на старости лет работать на США? Может, видя и понимая много лучше остальных тяжёлую обстановку, сложившуюся вокруг СССР среди врагов, он расслабился, испугался, поддался? Купили? Шантажировали? Обманули?

Неизвестно, что его подвигло на предательство! Ведь не мог же, в самом деле, мудрый старый лис не понимать, что он делает и кого выдвигает на высший в стране пост!

Не мог! Но польстился да должность Председателя Президиума ВС СССР. Её пообещал Громыко Горбачёв, в обмен на поддержку при голосовании в Политбюро за его кандидатуру на Генсека. Но Громыко просчитался! Реальной власти он не получил, и скоро вообще был отправлен в отставку.

Но и это не всё, чем опорочил себя Громыко! Обязательно следует припомнить ему уничтожение Романова, ибо оно оказалось и уничтожением значительно лучшего будущего страны, чем получилось в реальности.

После смерти Андропова Григорий Васильевич Романов, первый секретарь ленинградского обкома КПСС, являлся реальным претендентом на пост Генсека и конкурентом Горбачева. Брежнев задолго до своей смерти искал себе замену, что совершенно естественно. И есть немало сведений о том, что Брежнев выбрал именно Григория Романова: «Он еще молод, но успеет набраться опыта. Он самый способный человек».

Разумеется, этот вариант и должен был состояться. Но некоторые люди умело меняли ситуацию. Потому, в конце концов, всё произошло иначе. И об этом можно лишь сожалеть. Ведь Романов не только считался, но действительно был убеждённым коммунистом и сторонником активного реформирования советской экономики на социалистических принципах. В общественном мнении он воспринимался сторонником «жёсткой линии». Современники отмечали его независимость, принципиальность, личную порядоч-

ность и феноменальную память. В руководстве ЦК он курировал вопросы, связанные с военно-промышленным комплексом СССР. То есть, слыл весьма эрудированным человеком.

Но Андропов не мог не убрать столь сильного конкурента! Потому Романов заранее оказался грязно дискредитирован. По стране распространили лживые слухи (распространением нужных слухов, как и борьбой с вредными слухами, занималось КГБ) будто при бракосочетании своей дочери он использовал царские сервизы из Эрмитажа. Это сработало! Народ поверил и возмутился! Романова стали все, кто не знал его лично, ненавидеть. То есть, почти вся страна. Потому, когда в Политбюро встал вопрос о голосовании, усилиями именно партийного аксакала А. Громыко, мнение которого для всех считалось решающим, страной стал управлять не Романов, а старый, тяжело больной и никогда ничем не руководивший К.У. Черненко.

Всем было ясно, что долго он не протянет, а за это время расклад сил в политбюро кое-кто постарается поменять так, чтобы следующим Генсеком стал, наконец, Горбачев. И это станет решающим моментом для развала СССР. Ведь за штурвалом страны окажется изменник!

Кто бы потом и что ни говорил, чего бы не требовал, в чём бы не обвинял Горбачёва, но все рычаги управления страной окажутся его в руках! Это как с автобусом! Как бы не возмущались пассажиры, если водитель самовольно изменил

маршрут, ничего сделать они не могут, ибо водитель от них отделён и защищён. Пассажиры становятся заложниками, а их судьбы оказываются в прямой зависимости от замыслов этого водителя.

Но смерть Черненко случилась еще быстрее, чем все ожидали. Поскольку он, достаточно крепкий для своего возраста человек, был отравлен (интересно, кем? Или всё итак понятно?), о чём сразу заявил его секретарь, но всё-таки выжил. Правда, превратился в живой труп, неспособный противостоят активизировавшимся врагам. Скоро он вообще умер, освободив место для негодяя... И этого негодяя опять благословил Громыко!

Сам Григорий Романов, узнав о смерти Черненко, ни на что повлиять не мог, поскольку находился в не Москве, и кто-то (?) активно мешал ему срочно вылететь в столицу, где всё как раз решалось. Через много лет после смерти Черненко Романов сам рассказал об этом американскому журналисту так: «Горбачёва никто всерьёз не рассматривал, но к тому времени, когда мы прибыли в Москву, он уже всё проделал, не дожидаясь нас, хотя этого требовали правила, существовавшие в Политбюро. Он уже заключил тайную сделку с ними со всеми».

Под «ними» подразумеваются враги советской власти, в том числе, опосредованно, и мировое правительство, уже хозяйничавшее в нашей стране в лице спецслужб США и Ве-

ликобритании.

Пришедший к власти Горбачёв практически сразу снял Романова с занимаемой должности и отправил на пенсию «по состоянию здоровья». Опасный конкурент был навечно устранён.

Конечно, в банальную измену Громыко трудно поверить. Трудно поверить, даже зная всё о вполне доказанном последующем предательстве Шеварднадзе, занявшего после Андрея Громыко должность Министра иностранных дел!

Казалось бы, их фигуры – Громыко и Шеварднадзе – совершенно разного масштаба и, главное, они из разных исторических эпох! Громыко много сделал для страны, поскольку был сталинским дипломатом. Шеварднадзе поднялся по карьерной лестнице самым подлым образом, якобы принципиально разоблачив коррупционность своего начальника. Но последующие события показали, что это был лишь хорошо продуманный ход! Шеварднадзе был морально нечистоплотен всегда!

И, конечно, ни один из них за предательство другого не отвечает! Однако очевидная измена Шеварднадзе в пользу США лишь подтверждает, что в столь «высококонраваственных кругах» подобная низость вполне возможна.

И мы многого теперь можем не знать наверняка, но истину можно достаточно точно вычислить анализом цепочки поступков! Если есть последствия, то были и их причины,

были и соответствующие действия!

А саму правду нам всё равно никогда не скажут. Если же это и случится, то, как показывает опыт, такая правда ни за что не окажется истиной! А во-вторых, ее расскажут лишь затем, чтобы опять нас обмануть, ибо кому-то это станет очень выгодно!

Одно лишь теперь абсолютно ясно, поскольку стало уже историей – дорога к вершине власти в СССР ускоренно расчищалась под того немыслимого негодяя, который вызвался не просто предать своих предков, свою родину, но и отдать ее в рабство, а в перспективе уничтожить настолько, чтобы в истории от нее не осталось даже следа.

И роль Ю. Андропова и А. Громыко в расчищении дороги перед предателем Горбачёвым очень велика! Если вообще, не решающая!

Глава 12

В семидесятые в силу ограниченности доступной информации о Сталине Алексей и его товарищи многого не понимали, и понять не имели возможности. Они, конечно, кое-что знали о Сталине, о культе личности. Его крепко вдавил в сознание советских людей Хрущёв, но возразить той лжи с открытым забралом не считали возможным, поскольку не были уверены в своей осведомлённости. И даже не считали культ ложью, поскольку на ту тему молчали даже те, кто по возрасту и по должности должен был знать значительно больше Алексея и его товарищей.

«Неспроста же они молчат! – думала молодежь. – Видимо, и впрямь тогда происходило всё то, самое страшное, о чём теперь никто и вспоминать не хочет!»

К периоду возмужания Алексея хрущёвское время безвозвратно ушло, но ведь и брежневское так и не опровергло культ личности! Ничего не вернуло на свои места, не объяснило людям, что пресловутый культ – это стряпня врагов советской власти, грязное дело скрытого врага советской власти Хрущёва! Потому даже сомневающиеся полагали, будто Хрущёв, как ни обидно это, всё сделал по совести. Как-никак, но на съезде присутствовали лучшие представители партии! Они ведь понимали, что происходило! Не могли не понимать! Коммунисты, конечно, не потерпели бы кощун-

ства над Сталиным, если то были просто злобные наветы!

Но постепенно выяснилось, что делегаты обо всём знали или догадывались, но трусливо смолчали. Они всё стерпели! Они всё смогли! И потому Хрущёву всё сошло с его грязных рук!

Зато на фоне посмертно оболганного и униженного Сталина сам Хрущёв и даже совсем уж никчемный Брежнев смогли представлять себя великими ленинцами и патриотами. И в этом им активно помогала лживая пропаганда хрущёвских и брежневских политработников. Эта пропаганда подхалимски вершилась руками тех самых настоящих врагов народа, которых, как теперь все привычно думают, вообще не было. Но они есть и сегодня! А тогда их пропаганда умело разрушала правду, опрокидывала нашу историю вверх дном, возвеличивала в глазах народа его врагов и унижала незаслуженным позором подлинных героев!

Достаточно вспомнить такой унижительный для всех фронтовиков пример. Сталинград – символ невиданной стойкости и героизма советского народа, но и он, благодаря тем врагам народа, якобы несуществующим, уничтожен! Ведь утрата этим городом имени вождя и переименование его в безликий Волгоград, это и есть уничтожение города. Это есть принудительное стирание его из памяти и тех, кто за него воевал, и тех, кто когда-то будет разбираться в той войне! Это же очевидное предательство, совершенное на глазах всего мира! И народ, предавший память вождя, в глазах все-

го мира, конечно же, очень низко пал!

Когда-то вермахт, как ни лютовал, не смог одолеть Сталинград, стоявший на пути немецкой победы, обещавший вермахту критически необходимое пополнение запасов топлива для техники, зато враги местного разлива, не встретив протестов даже собственного народа, подло стёрли город с лица земли! И разве трудно было этому народу догадаться, кто больший враг нашей стране – поверженный фашизм или преступный хрущевский заговор?

Но даже уничтожение Сталинграда стало своеобразным символом. Символом позора и никчемности нынешнего народа, конечно же, не имеющего никаких оснований считать себя не только великим, но и наследником подлинно великого сталинского народа. Тот народ вершил великие дела, а когда требовалось, то не щадил и своей жизни. А этот – всего боится! Он способен лишь поджать хвост и запрятаться в грязной щели.

Великая клевета, втёртая Хрущевым в историю, вдавленная в наш народ, сделала своё чёрное разрушительное дело. Потому вина Хрущева перед советским народом, перед советским государством, неизмерима! Но кто теперь это знает? Кто именно так оценивает деятельность Хрущёва, давшего точку опоры 91-му году?

Ведь и сегодня можно найти немало зрелых людей, даже никак незаинтересованных в клевете на Сталина (хотя

и таких очень много), которые впитанную когда-то грязную ложь, не распознанную ими, так и пронесли сквозь всю свою жизнь. В суете своей трудной жизни они не разобрались в сути грандиозных событий, и до сих пор не считают возможным что-то пересматривать в своих неправильных представлениях. Потому они тот заряд клеветы на Сталина так в себе и хранят, считая ложь истиной. Потому они из защитников страны превратились в союзников тех, кто вполне осмысленно и планомерно уничтожал нашу страну все эти годы!

Им поздно что-то объяснять. Они имеют свои убеждения, которые подчас непоколебимы. Жаль лишь, что эти убеждения опираются на тщательно сработанные фальсификации.

Помнится, в самом начале службы был у Алексея старший товарищ, Виктор Кузьмин, который не только нравился ему во всём, но и реально был настолько толковым офицером и интереснейшим человеком, что трудно было им не любоваться, когда он работал. А еще он был очень шумным! Шумным, но безотказным и весёлым. Анекдоты из него так и сыпались! Но лучше всего Виктора характеризовало другое! Любое сложное и нестандартное дело, которое командование опасалось доверить кому-то, чтобы оно не оказалось проваленным, так или иначе, но находило именно Виктора.

Тогда он обязательно возмущался, будто на нём и без того висит и то, и сё, а своими должностными обязанностями заниматься ему некогда – и это было сущей правдой – но в

итоге усердно убрался и за дополнительное дело, не оставляя прочих. И в какой-то срок понятным только ему образом, Виктор расправлялся то с одним висяком, то с другим.

Вот на него и валили, что угодно, потому как знали – Кузьмин ради дела обязательно всё организует, всё пробьёт, достанет, всех подключит, всё перевернёт и всех на ноги поставит... Он – всё сделает! Он – всё может!

А потом, когда невыполнимое кем-то задание выполнялось им точно и в срок, легко забывали о служебных подвигах Виктора, будто так смог бы каждый, а в его действиях ничего необычного не наблюдалось. И опять что-то ему подбрасывали, непредусмотренное никем и ничем... И людям, которые хорошо знали Виктора, его удивительный напор и его большие победы, было не понять, почему на его груди не красуются давно заслуженные ордена и медали? Они почему-то красуются на груди людей, часто, ни к чему достойному не причастных.

Разумеется, Алексей всегда глубоко уважал Виктора и старался во всём походить на него. Виктор был у него в большом авторитете. Но теперь речь о другом. Об отношении Виктора к Сталину. В этом вопросе он не разобрался, с уверенностью повторяя, если приходилось, хрущёвскую ложь.

Сам Алексей в течение жизни всегда остро интересовался этой темой. Не однажды менял свои мнения, когда на него наваливалась новая информация. Мнения-то менял, но флюгером не был. Просто не мог не изменить своего мнения

под давлением новых фактов. Если факты выглядели правдоподобными, то реагировать на них приходилось. Алексей не относился к тем людям, которые узнав однажды, будто дважды два – тридцать два, свято верят в это всю жизнь, несмотря ни на что!

Сильнее всего вера Алексея в Сталина пошатнулась после прочтения солженицынского «Архипелага-Гулага». Полгода Алексею понадобилось, чтобы самостоятельно разобраться в том, что в его руках побывала не истина, а всего-то липкая книжонка, содержащая самые подлые вымыслы. И даже то в ней, что, возможно, и случилось с кем-то в действительности, подавалось автором с лживыми комментариями, переворачивавшими суть событий. Со всей очевидностью, эта книжонка, не придерживающаяся истины, писалась с задачей опорочить всё и вся, сформировав у читателя самое негативное отношение к советской власти и к Сталину.

Разгадав этот замысел, Алексей облегченно выдохнул и реабилитировал вождя в своих глазах. Будто смыл с него всю нанесенную Солженицыным грязь. А потом даже гордился тем, что не сразу, но разобрался во всем самостоятельно. Не оказался обманутым ни злобным пасквилом, ни его автором, справедливо депортированным из советской страны как ее очевидный враг.

Кстати, в эти же полгода своих тяжелых сомнений он не однажды говорил на эту тему с отцом. Разговор всегда полу-

чался достаточно коротким, поскольку говорил лишь Алексей. Отец же выслушивал молча, всё больше втягивая голову в плечи, и потом произносил с сожалением как вывод, до которого Алексей пока не дорос:

– Нет, Лёшка! Всё было не так! Я тогда жил, я тогда служил и ничего подобного нигде не видел, хотя слепым не был! Я этому не верю! Теперь ты моё мнение знаешь, а дальше думай сам!

Иначе получилось с Виктором. Когда друзья встретились лет через двадцать разлуки, о многом горячо говорили. Много изменилось не только в жизни каждого, но радикально изменилось всё в стране. Да и той страны-то, где хозяином был народ, не осталось.

И вот тут-то Алексея и потрясло мнение бесконечно уважаемого им Виктора о Сталине. Если без подробностей, то Виктор до сих пор абсолютно верил тому, что было сказано на 20-м съезде. Виктор был убеждён в том, что Сталин уничтожал народ, на плечах которого стоял, от успехов и побед которого полностью зависел!

Разубеждать Виктора и приводить какие-то факты Алексей считал делом бесполезным, поскольку прекрасно знал натуру товарища. Виктор лишь однажды впитал в себя всё то, что по молодости когда-то не подверг сомнению, и чему в последующем уже не изменял. Своих убеждений он никогда не менял и потому, что никогда и ничего не пересматри-

вал, даже будучи очень неглупым человеком. Странно, но – факт! Что осело, то и закрепилось навсегда! Сказалось, видимо, семейное воспитание и природная решительность. Решительным людям всегда проще шашкой взмахнуть, прочь отменяя свои ошибки и заблуждения, нежели признать за собой очевидную вину!

Жаль! Ведь таких людей, очень достойных, но ошибающихся, вокруг нас немало! Подобная позиция часто ставит их в конфронтацию с теми, за кого они в другой раз вполне согласны жизнь отдать! Но признать свою неправоту они не могут! Они привыкли всегда быть правыми, и перенести иное бывает не в их силах!

Но в чём же главная вина Хрущёва?

Оказалось, что главных вин, о которых никак не забыть, не менее пяти! Или больше!

Он столько наворочал, что без какой-то систематизации никак не обойтись!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.